

Михаил Чертанов

Грани времени

Стихи

Баллады

Исторические стихотворения

г. Санкт-Петербург 2020

УДК 82-14
ББК 84 (Рос-Рус)
Ч50

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателей запрещается.

Чертанов, М.В.

Ч50 «Грани времени». Стихи / Михаил Чертанов. – СПб.:
«МедиаЛира», 2020. – 172 с.

Возрастное ограничение

16+

Книга Михаила Чертанова «Грани времени» – достаточно противоречивая, о чём, собственно, автор и заявляет в названии: время течёт последовательно, но в судьбах людей преломляется самым причудливым образом, образуя самые разные грани. В этой книге есть моменты погружения лирического героя в ситуации, выдуманные автором; есть попытки лирического воссоздания исторических событий, легенд, фактов сегодняшней жизни. Но в главном Михаил Чертанов остаётся прежним, знакомым читателям по книге «Серебряная чаша», – поэтом, воспевающим красоту сибирской природы, женщины, любовь и дружбу.

УДК 82-14
ББК 84 (Рос-Рус)

© МедиаЛира, 2020
© Михаил Чертанов, 2020
© Все права защищены.

ISBN 978-1234-597-56-7

Стихи разных лет

Утро

Ночь сквозь звёзды просочилась,
Утру небо отворила.
В гору светом торопилось
Ярко-красное Ярило.

В колесе блистали спицы
И все выше поднимались.
И под рыжей колесницей
Ветры новые рождались.

Пробудили травы чёсом,
Пробудили воду рябью,
Полетали над покосом,
Полетали и над зябью.

В ветвях утреннего сада
Поиграв, остановились
И, где старая ограда,
Вдруг пропали, затаились.

Завет

Ах, друзья, возьмите лиру
Из моих уставших рук!
Спойте, спойте Салаиру –
Мне пропеть уж недосуг.

Веселитесь на просторе
Под запевы долгих выюг.
В вашем мире, в вашем хоре
Я уже не брат, не друг.

Троньте, троньте нежно струны,
Где звучит серебристый ключ,
Пусть счастливые певуны
Пропоют с сибирских круч.

«Слава, слава Салаиру!» –
С гор лесистых полетит.
Это кто-то тронул лиру,
Со струною говорит.

Только мне уж ваших песен
С гор Кавказских не слышать.
И о вашем чудном лесе
Остается помечтать.

У меня ведь к счастью счёт...

Когда солнышко всходило,
Мимо счастье проходило,

Заступило за порог,
Заглянуло на часок.

Скину я шубейку с плеч,
Натоплю пожарче печь,

Быстро сбегая в амбар
И поставлю самовар.

Скатерть в зале постелю,
Песню счастьем запою.

Оглянусь – а счастья нет,
Лишь остался лёгкий след...

И стучится в дверь несчастье –
Запустите на обед!

И несчастье в дом зайдёт
И кровать мою помнёт.

Погоди-ка ты, несчастье,
У меня ведь к счастью счёт!

Край

Куда бы я ни поспешил
Как путешественник безвестный,
Мне край далёкий станет мил,
И спутник будет интересный.

Но, путешествуя, нигде
Не встретил места я печальней,
Где спит в суровой красоте
Таёжный уголок мой дальний,

Когда от низких облаков
Ложится тень над головою,
Сень хмурых пихтовых лесов
Окружит чёрною каймою.

В короткий, мрачный зимний день
Лыжня торопит ближе к дому,
И каждый на поляне пень,
Пугая, гонит уж к другому.

Я в этот миг даю зарок:
В тайгу ночами – ни ногою.
А лишь завизжу огонёк,
То уж спешу я на порог
С поднятой гордо головою.

И там рассказам нет числа:
Какой охотник я удачный,
И как потом метель мела,
И случай – для меня пустячный...

Михаил Чертанов

Куда бы я ни поспешил
Как путешественник безвестный,
Мне только этот край и мил,
И бесконечно интересный!

Грани времени

Посвящаю Т.А.

Нет, друг, ты дружбы недостоин,
Ты – скоморох, не славный воин,
И как ты долго мог молчать,
Когда всего-то – прокричать
Тебя товарищи просили,
И жёны их с колен молили
О благородстве палача.
Жизнь жалкую теперь влача,
Ты прячешь взор, друзей встречая,
Кивком на «Здравствуй» отвечая,
Далёкой тропкой обходя
Их дом с сирóтами, хотя,
Наверно, гложет душу стыд.
И сердце иногда болит,
Что сделал ты, имея чин,
Как человек и гражданин.

Прачки

Зима взялась за дело без раскачки –
Укрыла землю белой пеленой.
Из проруби на коромыслах прачки
Таскают воду утром в выходной.

Играет солнце жёлтыми лучами
И, торопясь, мы знаем наперёд,
Что скоро там, вдали за тополями,
Оно под вечер, как всегда, зайдёт.

У горизонта небо, как помадой,
Раскрасит пожелтевший небосвод,
И голос чей-то прозвучит: «Так надо,
Оно ещё, прекрасное, взойдет!»

И верю я – другого быть не может,
Меня давно уже не испугать.
Но любопытство всё же тихо гложет,
И хочется о будущем узнать.

Теперь, с его последними лучами,
Я вспомнил жизнь нелепую свою.
Ведь я давно бессонными ночами
Пишу стихи, поэмы и пою.

Жду с нетерпением нового рассвета
Хоть в сизой дымке утром, хоть в дыму.
С его восходом старому поэту
Стихи ночные больше ни к чему.

Зима взялась за дело без раскачки,
Укрыла землю белой пеленой.
Но только уж, как в молодости, прачки
Не носят воду с речки в выходной.

Ночь

Не безмятежностью своею
Манила на свиданье ночь.
Её люблю я, но не смею
Бежать за ней от света прочь.

Прохладой девственной лаская,
Любила ли она меня?
А, может, темнота такая –
Всего лишь только западня?

Но как бы ни было, ступаю
За ночью, по её следам,
С рассветом грустно провожаю
И жду её по вечерам...

Не томи меня тоскою,
Однозвучный жизни шум.
Я с бушующей рекою
Тоже полон тайных дум.

Торопливо пронесётся
Под неистовый поток,
К небу дымкой вознесётся
Откровенных мыслей ток.

В мире звука и терпенья
Воды быстрые текут.
А меня за откровенья
Кары божьи стерегут.

Краски

Разбрызгаю яркие краски,
Чтоб в белом, холодном раю
Прожить до весны без опаски
Мне зимнюю жизнь свою.

Снимите и вы свои маски!
Пусть в этом волшебном краю
Звучат необычные сказки,
И песни пусть тоже поют.

От вашей заботы и ласки
На белом пушистом снегу
Я Лондоном Джеком с Аляски
Представить себя здесь смогу!

Поздняя любовь

Зову тебя не для забавы.
Зову – приди ко мне, приди...
Ни для веселья, ни для славы –
Разделим всё, что впереди.

Помянем всё, что было ранее,
С тобой нам есть что помянуть.
Ах, если б знали мы заранее –
Судьбу смогли бы обмануть.

Она, как хищник, затаится,
Ведь то, что есть, не изменить...
И вот на солнце серебрится
Творца серебряная нить.

Тебя зову не для забавы.
Прошу – приди ко мне, приди...
Пусть замечательные главы
О нашей говорят любви.

Сосны

Каждый раз, встречая осень,
Милый друг, остановись,
У качающихся сосен,
Словно путник, помолись.
Ветки с кроны – как поводья,
Иглы сверху – херувим...
Льётся шёпотом мелодия
Вам под ветром полевым.
И, во времени кочуя,
Каждый странник и герой
Скажет соснам «Аллилуйя!»
И спасибо, что живой.
У качающихся сосен,
Милый друг, остановись.
В эту пору, в эту осень
Светлым кронам поклонись.

Как чаша, полная вина,
Моя любовь к тебе полна,
Но только под Луной с тобой
Не я, не я, а тот – другой.

Не я на шёлке одеял
В твоих объятьях трепетал,
Не мне – твой влажный поцелуй,
Не я слуга твой и холуй.

И ты – алмаз среди других
Брильянтов модных, дорогих,
Милей, чем блеск роскошный их,
Пуускай достойных, но чужих.

И был с тобой не я – другой.
Нахальный, сильный, молодой,
И я увидел как-то раз,
Что дети есть уже у вас.

Мне, видно, тлеть, а вам – цвести.
Ты за любовь меня прости...

Первая любовь

За окошком снега
Белая стена.
Прыгнуть бы с разбега,
Прыгнуть, как тогда!..

Делали в пещеру
Белоснежный лаз.
Снега было в меру,
Много и сейчас.

Я позвал девчонок,
Показал свой дом.
С ними был с пелёнок
Хорошо знаком.

Вот мои покои,
Вот он, белый зал...
«Будь моей женою», —
Я одной сказал.

И зажгли мы свечи —
Стало вмиг светло.
Я расправил плечи,
Ощувив тепло.

От тепла такого
Обвалился свод...
С чувством незнакомым
Покатился пот.

И вот тут случился
Первый поцелуй.
Он недолго длился,
Прямо по фэн-шуй...

Чей теперь ты греешь
Белоснежный дом?
Может быть, жалеешь
До сих пор о том?

За окошком снега
Белая стена.
Я опять с разбега
Прыгнул бы туда...

Помидорная карьера

Мне мир торгашей ненавистен и гадок.
Считают барыш торгаши из палаток,
Считают украдкой, порой втихаря.
Считаю чужие доходы и я.
Я – скромный бухгалтер огромной конторы.
Растим мы в теплицах свои помидоры.
Такому хозяйству – мой строгий учёт,
Я – скромный бухгалтер, как тот звездочёт.
Четвёртый этаж наш не терпит промашек,
Он денег заждался, не просто бумажек.
На третьем, чуть ниже – начальники служб,
Где первый этаж – туалеты и душ.
А вот между третьим и первым – второй.
Второй – самый важный, второй – это мой.
Мы там, в бухгалтерии, деньги считаем.
Не наши они – это мы понимаем.
Конечный итог всей работы – баланс.
Святая скрижаль – долгожданный аванс.
Как лучший товарищ рабочих – кассир,
А главный бухгалтер – для шишек факир.
С утра под чаёк закипает работа:
Обмен новостями, всем слова охота.
– Ой, мой-то чего в выходной натворил:
Последние деньги с друзьями пропил!
– Да это, – другая в ответ, – ничего,
Рога отросли на башке моего!
А дальше ещё про послушных детей
И много весёлых потом новостей.

Но щёлкают громко костяшки у счёт –
О, это грядёт самый главный отчёт!
Несут в бухгалтерию службы подсчёты,
Они нам нужны для конкретной работы.
И льётся рекою бумажный поток,
Отчёт представляется точно и в срок.
Но главный бухгалтер поставил печать –
И новый баланс нужно снова начать.
Я ночью не сплю, не превысить бы квоты...
Особый азарт – в день рабочей субботы:
Придет на работу нас шесть или пять,
Сначала мы сплетни расскажем опять –
Что мой похмелился и больше не пьёт,
Что рог у любимого уж не растёт,
Что детки не плачут и скромно молчат,
Когда засыпают и, славные, спят.
Готовый отчет мне прошить доверяют
И часто в подвал, где архив, отправляют.
В подвал, где на полках хранится архив,
С ключами спускаюсь я, скромный калиф.
На полки я папки свои положил,
Но, вспомнив про деньги, слюну проглотил.
В подвале хранится, что я прошивал...
Мой ум от цифири мгновенно восстал!
Как ценную вещь, как вещдок, как интригу
Я спрятал за пазуху «Главную книгу».
И вот она тут, я о ней так мечтал...
Я ночью ее как роман прочитал.
Но что же считать мне свои помидоры?
Ведь деньги воруют маститые воры!

Я твёрдо решил обо всем рассказать
И стал незаметно с мечтой засыпать.
В приемной сижу я, трясутся колени,
И тут секретарша – как призрак из тени –
Меня приглашает пройти в кабинет.
Встаю и шагаю, сомнения нет.
Вхожу в кабинет, там директор сидит.
Он, руку пожав и привстав, говорит,
Точнее, читает при прочих приказах,
Отметив, что я поощрялся не раз,
Что часто бумаги домой уношу,
Отгулов и премий при том не прошу.
– Отличный работник, – он хвалит меня,
– И мой заместитель он с этого дня!
...Но кто настрочил тот счастливый донос?
Откуда узнал о намеренье босс?
Путь к чёрту теперь пропадут помидоры!
Я там, где четвёртый этаж у конторы.

Сон

Вот опять за окошком темно,
Я один жду в постели рассвета.
Я – как выпитое вино,
Как докуренная сигарета.

Эта грусть в моём сердце давно.
Мне так хочется с мамою в лето.
Но ведь, мама, тебе всё равно,
Ты приходишь от света до света.

С самым первым восточным лучом
Исчезает свиданий примета,
Будто тронула ты за плечо,
Растворилась, растаяла где-то.

Не осталось уже ничего,
Даже птицы внезапно умолкли.
Только громко и недалеко
Воют снова собаки в посёлке.

Подожду, когда выпадет снег.
Ляжет он покрывалом на ёлки,
И закончится в память побег,
Он, как утренний сон, был недолгий.

Метеорит

Гляжу на камень неизвестный:
О нём мне хочется узнать,
Как прилетел он, гость небесный,
Как смог, невидимый, упасть.

Какой неведомой планетой
На небе вечном был рождён?
Какой блуждающей кометой
На землю нашу занесён?

Случайно ль, странник неизбежный,
Ко мне ты выбрал этот путь?
Или хранитель – ангел нежный –
Тебе велел ко мне свернуть?

Имеешь много ли значений,
Бесценный, редкостный болид?
Так много никеля вкраплений...
И называешься – хондрит.

Твой обожженный край немногих
Своим ожогом волновал.
Ну, что возьмешь ты с нас, двуногих?
Обычный каменный кристалл.

Вот если б золото блистало
С твоих обугленных краёв,
Тогда восторгов бы хватало
От всех мастей говорунов.

Конечно, по окраске многим
Ты и булыжникам собрат,
Что по обочинам дороги
В пыли, рассыпаны, лежат.

Вот так и мы, под слоем пыли,
В своих обочинах живём.
Про нас ведь тоже скажут: были,
Когда, уставшие, уйдём.

«Квартирник» в Гавриловке

Как в веселой мудрой сказке
Снег кружил в старинной пляске,
А мороз в своей указке
Примораживал чуть-чуть,
И на улице Заречной,
Где живет народ беспечный,
Где на небе месяц вечный
Нам указывает путь,
Собирались музыканты,
Запоздалые таланты,
Рифмачи и стихоплёты,
Обнажающие суть.
Это были не игрушки,
Ведь не хлопали хлопушки,
Да и в низенькой избушке
От поэтов не вздохнуть.
По привычке нашей старой
Сибиряк пришел с гитарой
И ремень повешал алый
На дряхлеющую грудь.
Я сидел себе в сторонке
С обаятельной девчонкой,
А другие стайкой звонкой
Нам завидовали чуть.
Всех, напомнив нам о лете,
Удивил Похабов Петя,
И призывом о предмете
Разрешил на шаг свернуть.
И стихами Кузнецова
Мы закончили бы снова,

Но артист – кудесник слова
Не давал стихи слизнуть.
Мы – поэты и артисты,
Музыканты, куплетисты,
Были наши души чисты,
А душой не обмануть.
Только был, как в море остров,
Непришедший Дима Клёстов.
Предложил нам кто-то просто
Чаю крепкого хлебнуть.
Мы от песен охмелели,
За полдня помолодели
И не раз еще хотели
На Заречную свернуть.
Разошлись у нас дороги,
Но, как водится, в тревоге,
Жду друзей я на пороге,
Чтоб душой к душе прильнуть.

Правда и ложь

Я сродному брату о правде сказал,
Когда он её на ладони искал.
Брат горькую правду не хочет признать,
Он любит так сильно ушедшую мать.
Но в правде кристальной купались слова.
Упала на грудь у него голова,
И плакал от горя внезапного он.
Не врал я, Серёга, какой мне резон,
Тебе я давно не судья и не враг.
Как чистая правда, я честен и наг,
На страже у правды стою, часовой,
Но зря я делился о правде с тобой.
Изрезана линией жизни ладонь,
Горят твои уши, как правды огонь,
И то, что о правде ты знал, выдаёт
Лицо, что как маки, от краски цветёт.
Давай-ка, помянем их всех, кто ушёл.
Двоюродный брат мой от водки расцвёл:
Он вспомнил в могиле лежащую мать
И царства небесного стал ей желать.
О мёртвых плохого и не говорят,
Все помнить хорошее только хотят.
Струной натянулась правдивая нить.
С кем горькую правду теперь разделить?
Во лжи хорошо бы о правде не знать,
Но правде учила меня моя мать.

Приманка

Я горжусь тобою, Алла!
Ты – как запертый ларец.
Я ведь с самого начала –
Твой влюбившийся юнец.

Я с тобою – пёс на страже,
Нет верней цепного пса.
Сердце ночью будоражит
Неприступная краса.

Ты в театр, я за тобою,
Словно сыщик, словно страж.
Потешался надо мною
Разодетый бельэтаж.

В декольте твоём брильянты,
В жемчугах твоя рука.
И сбивались музыканты
В первых к публике рядах.

И защёлкали затворы,
Бил от вспышек яркий свет,
Суетились репортёры
Из журналов и газет.

Я горжусь тобою, Алла!
Ты, подруга, молодец!
Как ты смело рассказала
Про прислугу и дворец!

Про огромное наследство,
Что оставил вдруг отец,
Про испорченное детство,
Как воспитывал вдовец,

Ты показывала раны
На запястьях голых рук...
Я ж обшаривал карманы
У мужей твоих подруг.

И теперь с тобою, Алла,
Я уж больше не юнец.
Ты сама мне обещала:
После дела – под венец.

Стюардесса

Ты летишь надо мною давно,
Пролетаешь, пронесишься мимо.
А в таежной избушке окно
В сизом смоге табачного дыма.
Жду в тайге для себя одного –
От Оби до Витима,
Чтоб порхала ты так же легко –
От Камчатки до Крыма.
Белый след надо мной в синеве,
Словно снега лавина,
Словно иней на мёрзлой траве,
Словно пепел камина.
Дотянусь ли до следа рукой,
Прикоснусь ли к волшебному краю,
Доплыву ли к тебе я рекой,
Полетаю ли?
Но развеялся осени дым,
Птицы сгрудились в стаи.
Как они, улетел бы я в Крым
И вернулся бы в мае.
Но найти тебя там нелегко.
Ты же знаешь:
Прилечу я,
А ты далеко
Улетаешь.....

Ветка

До ветки зелёной дотронусь рукой.
Под ней я ищу тишину и покой.
Под ней в беззаботные юности дни
Порой проходили забавы мои,
И встречи вечерние школьных друзей,
И клятвы любви мы шептали под ней
В неопытной страсти счастливых минут.
Я помню еще: целовались вот тут,
И с ветки свисавшей березовый лист
Был тонок и нежен, прозрачен и чист.
И ветка листвою легонько касалась,
Над нами, еще холостыми, качалась.
Под веткой тогда не искал я покой,
Она укрывала и в стужу, и в зной.
Но что же теперь с этой веткою стало?
Кора потемнела и листьев так мало...
И уж не сыскать среди прочих другой –
Такой же и гибкой, и молодой.
Кого без меня эта ветка скрывала?
Кому под напором ветров напевала?
И ветка шептала усталому мне:
– Я жизнь посвятила бродяге – тебе.
Тебя я в тени у себя поджидала,
И мягкие листья под ноги кидала.
Вот так и прошла моя жизнь в ожиданье,
Наверно, последнее это свиданье...
И ветка на грудь мне листву опустила,
Затихла и долго в молчанье грустила.
Склонившись, и я, вспоминая, стоял,
В руках пожелтевшие листья держал.

Фантазёр

Клянусь тебе я сердца битвой,
Клянусь тебе своей молитвой,
Как Феникс, из руин восстав,
К тебе на цыпочки привстав,
Безвестен буду, сир и наг,
От всех известных в мире благ
Я откажусь, когда взамен
У милых окажусь колен,
Богов неведомых призвав,
Законы высшие поправ...
Чтобы лучом из темноты
Твои мне осветить черты,
Не прикоснуться, не обнять,
А только сладостно мечтать
О влаге нежных женских губ.
Я, может, в страсти буду груб,
Чтоб чувства к милой испытать,
Чтоб не окончить, но начать,
И чтоб любовь моя цвела
И ароматна, и бела.
Хотя, я знаю, может зла
Она для многих и была.
Но то у них. А у меня
Плескали чувства за края.
Стройна и гибка, как лоза,
Ну, улыбнись, взгляни в глаза,
Лоза, растущая в скале.
Ты одинока. В феврале
Нет листьев, собран виноград,
И скучен облетевший сад.

Но мне-то именно такой –
И беззащитной и нагой –
Ты снилась нынешней зимой.
О, фантазёр – рассудок мой!
Всего лишь девы молодой
Я слышал песню за рекой.
И тут же потерял покой.

Таёжник

Я тут Альфа и Омега,
И начало и конец,
И палач себе, и нега,
И владыка, и мудрец.

Как огранщик, бог кристалла,
Я испытанный боец.
Мать на голову венчала
Мне романтика венец.

Я с рожденья, с колыбели
Слушал музыку отца,
А в саду мне утром пели
Птицы рая без конца.

За клубком серебристой нити
Вёл меня безвестный рок,
Он звезду мою в зените
В небе пасмурном сберёг.

И теперь средь гор и снега
Колет пихтовый венец.
Я здесь Альфа и Омега,
И владыка, и мудрец.

Ковыль

Там, где стыдливые ёлки
Тычут небесную ледь,
Сыпля под ноги иголки
На заиндедевшую твердь,

Где зазевавшийся рябчик
Быстрый вспорхнёт из травы –
Вижу я редкий образчик
Родины прежней – ковыль.

Он меж колючек бурьяна.
Как ты в тайгу к нам проник,
Верный жилец Казахстана,
Шёлком манящий блудник?

Травы твои – одеяла,
Кисти пушистые – шик.
Буря ночная помяла
Росший с краёв борщевик.

Только ковыль не ломался,
Песню весёлую пел,
И до земли наклонялся,
Голосом низким шипел.

Утром, засыпанный снегом,
Мирно затихнув, уснёшь,
Легким и мягким побегом
Землю теплом обоймёшь...

Письмо брату

Ты уехал в Израиль,
Там евреи ходят в шляпах,
Далеко теперь Сибирь
С телогрейками в бараках.

Шлёпая по мостовой,
Ты увидел, вот удача –
Впереди народ гурьбой
У Стены горюет Плача.

Поклонись и ты, постой
У стены, поплачь немного.
Прилетишь потом домой
И поплачешь у порога.

Не торгуйся, не скупись,
Шекелей швырни калекам,
Ведь проходит эта жизнь,
Будь спортсменом или зеком.

Ты уехал в Израиль
Так внезапно от родных...
Разлюбил кого-то, иль
Получил удар под дых?

А у нас народ гурьбой
Если выпьет, веселится,
Если трезвый, то смурной,
И на кухне затаится.

Михаил Чертанов

Приезжай назад скорей
В позабытую Сибирь,
Знаю я, она милей,
Чем еврейский Израиль.

Нимфетка

Всё в ней славно, всё в ней дивно,
Но на шейке – след страстей.
Как она ещё наивна
В свете ярких фонарей!

В пальцах сжата сигаретка,
Лак блестит её ногтей...
Ах, несчастная нимфетка!
Ах, соблазн молодых персей!

Ноги спрятались в ботфорты,
На колготках – кружева,
А поверх – блатные шорты
И как пояс – бечева.

Подъезжали лимузины
К свету манящих огней,
Выходили к ней мужчины
Из распахнутых дверей.

Подходил спьяна хозяин,
Блефовал её ценой.
У путан с глухих окраин
Цены выше в выходной.

Родник

В праздники Крещения
Вдалеке
Слышу песнопения
На реке.
Опущусь я с горочки,
Окунусь.
Подадут мне водочки –
Откажусь.
Слышу на пригорочке
Коромысла скрип.
Расскажу молодочке
Про родник.
Уведу за реченьку,
К роднику,
Необычной песенкой
Увлеку.
С родника водицею
Напою,
Песню там с девицею
Запою.
Потеряет матушка,
Позовёт с крыльца.
Призовет и братушку,
И отца.
Только скажет девица,
Что вода
Полюбилась эта ей
Навсегда...

Дачник

Стынет в поле день угрюмый
В серой пустоши, во мгле.
Снег, позёмкою влекомый,
Заблудился на стерне.

Замело мою тропинку,
Стало пусто на земле.
Как забытую косынку,
Шторку треплет на окне.

Мне давно пора бы к дому,
Где диваны и камин.
Но не мне теперь – другому
Нега света и картин.

Снег мне шепчет: «Не пора ли
В царство тёплое тебе?»
Вьюги по лицу хлестали
И по высохшей траве...

Замело мою тропинку,
И бреду на ощупь я.
На окне моём косынку
Ветер треплет без меня.

Нить

Веселится царь небесный:
Звёзды вывесил в ночи,
Чародей судьбы безвестный
Посылает мне лучи.

Вот и сад, объятый мраком,
Чёрным кажется во тьме.
А с небес весёлым знаком
Звёзды сыплются к земле.

Непроглядными ночами
Кто-то нить златую вьёт.
Вот и брызжет свет лучами –
Золотой звездоворот.

Веселится царь небесный
Над коньком моих палат.
И покаюсь я вам честно,
Что его веселью рад.

Иногда, о ком-нибудь тоскуя,
Загрущу о ласке женских губ.
С юных лет от влаги поцелуя
Я развратник, а не однолюб.

Пусть в саду соседки расцветает
Молодая яблоня весной,
Лепестки отчаянно роняет,
Шепчется листочками со мной,

Мило дразнит, ветки обнажая,
Приоткрыв девическую грудь.
Прикоснись же ты ко мне, играя,
Так, легко, немножечко, чуть-чуть...

Птицелов

Уже давно ни мёртв, ни жив,
Лежу, добычу выжидая,
Силки свои насторожив,
Часов в засаде не считая.

И вот в вечерней тишине
На мой притихший ловчий станец
С небес спускается ко мне
Большой, голодный чёрный вранец.

Он страшным голосом сзывает
На пир таких же, как и он.
И надо мной уже летает
Десяток страждущих ворон.

Вожак их, озираясь, кружит
Как чёрный демон-душегуб,
Решая издали, кому же
Терзать козы лежащий труп.

Быть может, он со смертью дружит,
Летая так день ото дня?
А, может, чучелом послужит
В шкафу на полке у меня.

По небу вольному скитаясь
Над сенью девственных лесов,
Живёт он, падалью питаюсь,
А я охочусь на него.

Грани времени

...Попался, хитрый долгожитель,
Жилец степей, жилец лесов.
Свою нескучную обитель
Тобой украсит птицелов.

В ресторане

На белой салфетке бутылка вина
Стоит горделиво и молча одна,

Фольгой запотевшей блестит со стола,
Играя под люстрой лучами стекла,

На спектр лучи непрерывно меняя,
Оттенки вина под лучом преломляя.

Красива фигурой, немного бледна,
Распутна, ревнива до самого дна,

Разлив всю себя по тяжелым бокалам
Прилично и чинно. Конечно, не даром!

Мужчины словами любви осыпали,
Хвалили твои золотые медали.

Но дальше в словах неразборчивых их
Звучал неприлично напетый мотив.

Он громко звучал по всему ресторану,
Хоть «Тише!» – шептали соседи буяну.

Но этот мужчина – и грубо, и зло –
Выкрикивал: «Эй, уберите стекло!»

Грани времени

Посуду с бутылками тут же убрали.
А дальше не стоит вдаваться в детали.

Ведь выпита эта бутылка до дна,
Пустая она никому не нужна.

Мечты

Когда б исполнилось желанье
И в вечной суете дневной
Чудесным чьим-нибудь стараньем
Разверзлось время надо мной,

И яркий солнца луч внезапный
Вдруг засиял над головой
И теплый свет его приятный
Спустился с тучи грозовой,

Я разве так бы тратил дни,
Навек беспечно их теряя,
Не понимая, что они
Проходят, жизнь опережая?..

И первое, что мог желать:
Вернуться бы назад, до края,
Услышать, как у зыбки мать
Поёт, постель мою качая.

Желать другого разве мог?
Желать другого и не надо.
И то, что в жизни не сберёг,
Теперь бы стало мне усладой.

Горноспасатели

Нам не в смену сегодня, и завтра не надо.
Там исподняя ждёт нас подземного ада.
Загорится метан – шутки прочь.
И включаемся, чтобы помочь.

Примеряем наряды в шкафах не театра,
И готовим заряды на утро, на завтра.
Карабины – пятёркою в связке,
Ибо знаем о страшной развязке.

Батареи на бёдрах, а лица – под маской.
По ходкам и проходам шагаем с опаской,
Только надо себя перевозмочь –
Всех спасти в Вальпургиеву ночь.

На пути у огня возвели перемычку,
И кого-то клянём за зажжённую спичку.
Ведь в резервных баллонах вот-вот
Может кончиться весь кислород.

Шевелитесь, ребята, всё будет в порядке,
В тёмно-сером дыму наиграемся в прятки...
Пробираемся сверху и под,
За обрушенный взрывами свод.

Но молчит командир. Штрек в дыму,
И понятно здесь всё лишь ему.
Ведь в резервных баллонах вот-вот
Может кончиться весь кислород.

И команда: пройдем проколотами здесь,
Чтоб ползком за завал к пострадавшим пролезть.
А пролезли, а там всё сначала:
Кислорода в баллонах так мало...

Нам бы выйти скорей к злополучному орту,
Командиру видней, и опасности – к чёрту!
Ах, хотя бы за тот поворот...
Там, на базе, нас ждёт кислород.

Письмо к И.К.

Среди бумаг лежит платочек.
Ещё храню письмо любви.
Так много в нём любовных строчек,
Так мало в них надежд твоих.

И будто слышу среди ночи
Под струи слёз из темноты:
Твоё коварство многоточий
Легло печатью на листы.

В листах письма, в строю бумажном
Я только то увидеть смог,
Что между строк и в слове каждом –
Надежды призрачной глоток.

Письмо – тайник твоих желаний,
Любви девической исток,
Предмет душевных трепетаний,
Флюидов бесконечный ток.

Как талисман, письмо мне душу
От бурь любовных берегло.
Ты, знаю, на вопросы мужу
Не отвечаешь ничего.

Я ж, словно камень многотонный,
Упав со скал, лежу на дне,
И как песок намытый донный
Храню любовь в твоём письме.

*Но всех бессмертней тот,
кому сквозь прах земли
какой-то новый мир
мерещился вдали.
Н.Минский*

Новый мир

Живя в тиши воспоминаний,
Я – бурей сорванный листок,
И с чередой расставаний
Мой час последний недалёк.

Всегда мне было жизни мало,
Хотя и вот он, мой порог.
Но, может быть, за ним начало,
А дальше – как рассудит Бог.

И вот до этого порога
Дойти бы на своих ногах,
И чтоб прямой была дорога,
И не сгореть бы впопыхах.

Лети же, мысль, вольной птицей,
Тебе, я знаю, суждено,
Одна ты – узник из темницы –
На волю вылетишь легко.

И за порог, туда, где света
Навстречу вырвется поток,
Уже помчится, как комета,
Неудержимой мысли ток.

И я прижмусь лучами к свету,
Сольюсь с светящейся рекой,
И нашу старую планету
Приму за шарик голубой.

А, может, он один, кочуя
Среди космических дорог,
И жизнь, и свет, и мысль даруя,
Меня лелеял и берёт.

К М.Р.

На окне большая роза,
За окном мороз и снег,
Занесенная берёза,
Три сосульки – оберег.
Ветер свищет, завывая,
Бьёт и щёлкает хлыстом.
На застрехе у сарая
Вьётся вьюга колесом.
А по озеру позёмка
Подметает тонкий лёд.
Соберусь-ка я тихонько,
Вот настал и мой черёд.
Дымкой в небо, невесомо
Легким облаком умчусь,
На соломенные крыши
Напоследок оглянусь.
Не скучай, лови удачу,
Отрекись от прежних нас,
Я теперь уже не плачу,
Что разбился мой баркас.
Жизнь, как в небе, метеором
Без остатка пронеслась.
Молодецки и с задором
Новая звезда зажглась.

Одна звезда на двоих

В высоком небе, в синем свете
Обоим нам горит одна звезда,
Но только ты шикаешь в вечном лете,
А я живу, где вечные снега.

Да, солнца свет не гаснет над тобою,
Светила луч разбаловал тебя.
А я горжусь снегов голубизною,
Свою Сибирь по-прежнему любя.

Люблю её таежную прохладу,
Ночной туман распластанных логов,
Цветов сибирских сочную усладу
Из-под едва растаявших снегов.

Один я здесь. Но время безупречно
Бежит для нас двоих одной струёй.
Но от тебя бежит оно навечно,
А для меня – вращается юлой.

Стоит тайга в невиданной расцветке,
Осенний день – как маскарад цветной.
И я тебе пишу такие сказки,
Живя в лесу за каменной стеной.

Грань

Обихаживаю пригорки,
Ветви тонкие в косы вью.
Слышу: в церкви поют богомолки,
Я тихонечко им подпою.

Раньше жил я среди ведуний,
В темноте не заметил лиц,
А теперь вот услышал певуний –
Монастырских поющих сестриц.

Постирались веселые грани,
И не манят проспекты столиц,
Рвутся хрипло слова из гортани,
Как рубахи разорванный ситц.

Мне теперь образец – богомолки,
Вместо прежних нескучных девиц,
Хоть они не в капроне и шёлке,
Но зато свет струится от лиц.

Обхожу чередою околки,
Слышу: с дерева падает лист,
Бьют крылом с перепугу тетёрки
Под негромкий надорванный свист.

Кумиры

Что кубки серебра,
Что красная материя...
Жизнь – как условность, как игра,
Жизнь – как библейская мистерия.

Вот на исходе февраля
Наш дружный стол – рог изобилия,
Пьют закадычные друзья
За безмятежность и идиллию.

Из-за стола один встаёт,
Фужер высоко поднимает...
Он дифирамб произнесёт,
Он в этом деле понимает!

И тот, хвалёный – шире грудь,
И плечи тоже расправляет,
Ещё чуть-чуть, ещё чуть-чуть,
И он от счастья зарыдает.

Он, разгибаясь, привстаёт,
Со скрипом стул отодвигает...
О, боже, он ещё поёт!
И на трубе своей играет!

Кумиров мы ли создаём?
Мы сами для себя кумиры.
Нас нагружают, мы везём,
Добавив шуток и сатиры.

И там, где кубки серебра,
Где скатерть – красная материя,
Да, я согласен, жизнь – игра,
А фальшь пера – как бижутерия.

Перевал

Вот и я на перевале.
Дальше можно только вниз.
Помню, ветер дул в начале —
Голубой весенний бриз.

Подгонял волну без толку,
Задираю коварно губ,
Обнажил мою наколку,
Молоко смывая с губ.

Я уже на перевале.
Дальше скатываюсь вниз.
Не в конце и не в начале —
Позади крутая высь.

Позади такие горы
И Полярная звезда,
Серебристые узоры
И холодная вода.

Позади ревущей бури
Мой разбитый, углый чёлн,
И гребу я со всей дури
Напрямик — на гребень волн.

С гребня вёсла поднимаю
И несусь я, будто в ад,
Краем борта загребаю
У открытых Божьих врат.

Вверх нельзя, а можно ниже,
До надгробного креста...
У берёзки над могилой
Плачет соком береста.

Гром

Где теперь ты, друг прелестный?
Где трубишь ты в рог небесный?

Где раскатом песнь твоя
Вместо трелей соловья?

Где ты тёмными ночами
Грозно молнии стрелами
Шлёшь к испуганной земле,
Искры высекши в скале?

Запалишь сухое древо,
Огонь – направо, дождь – налево...
Пламя пляшет на стволе,
От огня светло скале.

Пламя в сопках занималось,
По верхушкам сосен мчалось,
И с пожаром верховым
Разносило ветром дым.

Что же делать, друг прелестный?
Где, скажи, льёт дождь чудесный?

Тучи в небе заходили,
Землю дождиком полили.
И не стал огонь бедой,
Поутих пожар лесной.

Спел мне песню соловей,
Сердцу стало веселей.

Как к воде умиравший от жажды,
Как на рынок с корзиной цветов,
Все спешим, и в отдельности каждый,
Удивляя игривостью слов.

И теперь, запинаясь от страсти,
Перепрыгивая через слог,
Как огонь, вырывался из пасти
Мой под утро рождённый стишок.

Хорошо, что давно по тревоге
У меня припасён вещмешок,
И привык я в пути, по дороге,
Полизать на ходу сахарок.

Но не утром объявят тревогу,
И не в ночь, чтобы спутать сапог.
На свою белоснежную ногу
Не портянку надену – носок.

Никогда я теперь не забуду,
Как звала с перекрёстка дорог
Добродушная девушка Люда
К новым книжкам к себе на порог.

Ей, конечно, не быть старшиною,
Слишком ласковый голос её.
Но стишастую нашей толпою
Мы ей песни ещё пропоём.

Потому до осеннего цвета
Ты ещё нас к себе позови:
От известного всеми поэта
До, конечно, меня – визави.

Заря

Ну, что, расстаёмся? Опять всё сначала,
Опять одиночества серая грусть.
А ты, наконец, мне тихо отвечала:
Не любишь меня, ну, и пусть.
Раскаты весеннего грома не смогут
Прервать нашу давнюю связь,
Дожди бесконечные снова помогут
Замыть застаревшую грязь.
Ты ждешь у окошка, слезу утирая,
Но белая скатерть – на стол,
И узкая тропка от дров у сарая,
Да сумки на вымытый пол.
Вернулся, не прав был с тобою, не спорю,
Другая восходит заря.
Мы ездили вместе к любимому морю
С тобою, наверно, не зря.

Мечты

Забыты дела. В упоенье
Мечтаю о близости муз,
Ищу между строчек спасенье
От брачных губительных уз.

Так в чем же найду утешенье,
С кем больше и не побоюсь
Нечастое справить веселье,
Встречать приходящую грусть?

Послушаю сердца веселье,
Оно, если только не врут,
Подскажет, в каком направленьи
Уставшие ноги пойдут:

На север глухими лесами,
Степями – на выжженный юг,
Где песню споёт вместе с нами
Еще неизведанный друг.

А, может, и нету на свете
Чудеснее места, чем тут,
С мечтами зимою – о лете,
А летом – про зимний уют.

И здесь обрету я спасенье,
Здесь сброшу накопленный груз,
И здесь доживу в наслажденье
С мечтами о близости муз.

Февраль

Пусть под белой краской грима
Спит уснувшая земля.
До чего же мной любима
Эта песня февраля!

Не утих бы только ветер
И не спрятался, как вор.
Ах, как дороги на свете
Песни ветра и простор.

Зашуршит ли он травую,
Оборвёт ли с ветки лист,
Или с воем над трубою
Распоётся, как артист,

Чтобы долгими часами
Покружив над головой,
Под раkitными кустами
Замереть, как часовой.

Пурга

Если солнце скроют тучи
И накроют темнотой,
Если встанет снег колючий
Серой плотною стеной,
Может быть, что на пригорке
Волки серые стоят.
Или, может, это ёлки
Мирно выстроились в ряд?
Ёлки тоже серым цветом
Стали в снежной пелене.
Я узнал бы их с рассветом,
При сияющей луне.
Только долго до рассвета,
И поёт в лесу метель.
И послышался мне где-то
Ржавый скрип дверных петель.
Ветер песни пел, буянил,
Двери скрипом отворял...
Я треух свой приосанил,
Направленье к скрипу взял,
И аршинными шагами
Споро к цели зашагал.
Снег не чуял под ногами,
Темноты не замечал.
Показалось, будто сзади
Кто-то злобно зарычал.
Помогите, Бога ради,
На весь лес я закричал.
Через палки и коряги,
Через брёвна и кусты,

Я бежал, сбивая чаги,
Рвал пожухлые листья...
Вышел из лесу к дороге,
Отдышался, наконец,
И закончились тревоги,
И страстям настал конец.
Дом свой маленький из леса
Я с испугу не узнал...
Так какого же я беса
Испугался и бежал?
Под пургою в сером цвете
Дом чужим казался мне.
Хорошо, что на рассвете
Двери скрипнули в петле.

Песня жаворонка

О, певец неутомонный,
Синим небом окружённый!
Песня летняя твоя –
Перепевы соловья.

От восхода до заката
Сыплет птица с неба золото.
Словно тонкая струна,
Песнь звучит, звучит она.

Ах, диковинная птица,
Не пора ль остановиться?
Но пока на небе свет,
Льётся песня, как привет.

Мы, в покосы щуря лица
И прикрыв глаза десницей,
Разогнувшись и привстав,
Смотрим, голову задрав:

Что за чудо, что за птица,
Та, что в небе веселится?
И откуда он возник,
Этот звонкий озорник?

Ножка

Дразнит ножка молодая
Из-под кружев одеял.
Обмани, скажи, когда я
Прыть былую растерял?

Пыл любовный не затушишь.
Выпей же со мной до дна!
И уже в объятьях душишь,
Агрессивна, молода...

Пусть Амур дугу сгибает,
Лук натягивая свой,
Стрелы в цель он посылает
Дребезжащей тетивой.

На ковёр с плеча сползает
Пелена твоих шелков,
Покрывалами встречает
Светло-розовый альков.

И, желанием сгорая,
Весь тебе отдамся я,
Чтобы ножка молодая
Снова встретила меня.

Мираж

Дрожишь ли ты известной дрожью,
Французских книг согнув листы?
Читаешь ли молитву божью
Как проведенье доброты?

Ища в романе совершенства
Как идеал своей мечты,
В вершине высшего блаженства,
В её кристалле чистоты,

Подобно искре Фарадея
Зажглась от линз слепящих ты.
Но чувством править не умея,
Сожжёшь взведённые мосты.

В свету огня, в кругу сияний,
Зла от добра не отличить,
А в череде воспоминаний –
Лишь обещание любить.

И вот, в минуту роковую,
На чашу лживую весов
Кладёшь любовь очередную
Под вопли льстивых голосов.

Вмиг содрогнувшиеся плечи
Забьются под потоки слёз.
Они – твоей любви предтечи,
Мираж твоих девичьих грёз.

Свет

Едва несмелая заря
Круг света обручем сомкнула,
Кровавой краскою горя,
Нить горизонта оттолкнула,

А месяц тонкий над землёй,
Уже стремительно бледнея,
Сиял совсем не золотой,
Средь туч прохладных молодея.

В туманной дымке, впереди,
Где свод небесный дружит с лесом,
Холодной осени дожди
Плывут чернеющим навесом.

Мне ощущения тревог
На встрече этой не впервые.
Но что бы я поделаться смог
В минуты эти роковые?

Никто бы помешать не смог
В высоком небе двум стихиям.
У края пройденных дорог
Сияют краски, но какие!

Но вот сияющий восток
Своею краской засветился,
И диск сверкающий поблёк
И лишь легонько серебрился.

И захотелось мне туда –
Сквозь тучи дождевые к свету,
Где солнце – вечная звезда –
Как будто кружит над планетой.

Салтыковой Ирине

Стремиться в жизни к совершенству
Едва бы каждый не хотел,
В любви – к высокому блаженству,
В стихах – к триумфу женских тел.

К лицу ли Вам та зелень листьев,
Что держат пальцы Ваших рук?
Но что сказали б, окажись я
Поклонник Ваш и сердца друг?

Не раз встречались мимолётно.
Тогда я не заметил Вас.
Теперь пытаюсь, только тщётно,
Случайно встретить ещё раз.

Терзаясь будущей встречей,
Давно ночей не сплю. Не лгу!
Я у камина ночью свечи
Над канделябрами зажгу.

И приготовленные речи
Я к встрече с Вами сберегу.
Вы скажете мне: «Добрый вечер!»
А я ни слова не смогу...

Причал

Словно бисером расшита
Зелень мокрых покрывал.
Из сибирского нефрита
Мой заброшенный причал.

На запруженном просторе
Волны новые встают,
По причалу, как на море,
Громко шлёпают и бьют.

А за солнцем следом – тучи.
И приходится признать:
Если ветер им поручит –
То дождя не миновать.

Станет с теплыми дождями
Даже краше мой причал.
Клён у берега ветвями
Одобрительно качал.

Казнь

Ты, палач, искусник старый,
Долгой казнью не томи.
Накажи жестокой карой,
При народе не срами.

Встань, детинушка, пораньше,
Свой топорик наостри,
В неподдельной грубой фальши
Любопытство услади.

Грозный выйдет воевода,
Штоф стеклянный припасёт,
На ступеньках эшафота
Осуждённому нальёт.

Поп взмахнёт своим кадилом,
Крест с преступника сорвёт,
И ему молитву с миром
Христиански пропоёт.

«Ох...» – раздастся над толпою,
И опустится топор.
Так палач своей рукою
Вмиг исполнит приговор.

Он силён, не посрамился,
Точно вбил топорик свой.
Вор в посмертной муке бился
С отсечённой головой.

Счастье

Если пытка, то с пристрастьем,
Если правда, то в глаза.
«Нет, нет, нет...» – ответит счастье,
И покатится слеза.

В мире счастья, в мире лживом
Вольно сыплются слова.
В счастье лёгком и игривом
Закружится голова.

Так и было. Но жестоко
Наказал счастливых Бог.
И теперь, по воле рока,
Каждый мучился, как мог.

Если пытка, то с пристрастьем,
Если правда, то в глаза.
«Нет, нет, нет...» – ответит счастье,
И покатится слеза.

Лучу

Друг мой старый, друг мятежный,
Нрав твой вольный, нрав твой прежний.
Всколыхни свой сноп огня,
Подожги собой меня.

Мы не зря с тобой светили
В этой огненной идиллии.
Свет от нашего огня –
Не с кострища головня.

Долго бились мы с тобою
С верой лживою и тьмою,
За тепло и свет небес,
За добро и мир чудес.

В этой битве справедливой
Мы частицей неделимой
Вдруг взметнёмся в небеса,
Чтобы свет, не телеса

Там, вверху, соединились
С тем огнём, что мы гордились.
И тогда среди планет
Ты и я оставим след.

Держава или мать

В приволье северной державы
Ценю свой скромный уголок.
Пьянят задумчивые травы,
Звенит хрустальный родничок.

В низине, там, где золотится
Головкой нежною цветок,
Здесь рано утром серебрится
Тумана ласковый поток.

Покос отцовский ждёт работы.
И вот, синхронные, звучат,
Как три отточенные ноты,
Литовки, косящие в ряд.

В приволье северной державы
Ценю свой скромный уголок,
Край подрастающей отавы,
Край неизведанных дорог.

Со всей красою многоликой,
Скажи мне, как тебя назвать?
С твоей тайгою полудикой,
С твоею миссией великой...
Держава или лучше – мать?

Время

За спиной моей – чистое поле.
Впереди – позолота церковей.
На сибирской похмельной на воле
Я живу, как отшельник, – ничей.

Безвременье, тоска на излёте,
Если грустно, безрадостно – пей...
Раскрылатится сердце в полёте
Под салюты загинувших дней.

Растеклось притягучее время
Киселём по крутым берегам.
Поднимается новое племя,
Может, смена грядущая нам?

Одиноко кукуя с досады,
Я гляжу с сожалением ввысь:
Далеко же вы, звёзд мириады,
Неизвестная райская жизнь.

И, как раньше, с церковной иконкой,
Меж шелков и богатых кружев,
С молчаливой живу богомолкой
Меж завистливых скурвленных дев.

Без изысканной страсти лаская,
Может, брошу: «Люблю!», сгоряча...
Ты такая еще молодая,
И дряхлею заброшенный я.

Грани времени

Вскачь несётся безжалостно время,
Отлетают года от копыт.
Подрастай, восходящее семя,
Этой жизнью я, кажется, сыт!

Поброжу, поплутаю немножко,
Соберу с полей белых цветы.
Ты присядь-ка со мной на дорожку.
Я люблю эту жизнь.
А ты?

Моисей и «Десять заповедей»

Лоснится от правды бумажная гладь.
Гордятся чернила – их нужно читать.
И буквы – как роспись в цветных витражах,
Они отражение дел в зеркалах.

Так думал, кто правду в пустыне искал.
О правде небесной он в жизни мечтал,
Пустыней водил он еврейский народ,
Казалось, он правду отыщет вот-вот.

К концу приближался неистовый день,
Длинней становилась усталая тень,
Луч солнца скрывался за дальний бархан,
Вдали показалась река Иордан.

Спустились евреи с вершины Синай,
У Чёрного* моря обещанный край,
Здесь жизнь – не изгнание, а пастораль.
Вручил Моисею Бог камень – скрижаль.

И Бог Моисею вот так говорит:
– Вам десять законов узнать предстоит!
Их в книги свои запиши, Моисей!
И не было этих писаний честней:
Я Бог твой, и нету других у тебя;
Не кланяйся идолу, веру храня;
Напрасно про Господа не вспоминай;
В субботу от праведных дел отдыхай;

* Красное море (церковно-славянское)

Грани времени

Чти мать с отцом во трудах на земле;
И жизнь береги и другим, и себе;
Храни, как святыню, семью и любовь;
Чужое не трогай, свое заготовь;
Как грех из грехов будет ложный донос;
За зависть к соседу и ближнему – спрос.

В ковчеге заветы – Синайский закон,
Их брат Моисей хранит – Аарон.

Истребитель и ангел

Короткий разбег и отрыв. Снова убрано шасси.
Могучая сила турбин, поднимая, несёт.
Я вырвался ночью из смрада разинутой пасти,
И к звёздам далеким уносит меня самолёт.
Огни полосы за спиною остались у взлётки,
Радар на экране исправно мой вылет засёк,
Диспетчер в мундире военном и синей пилотке,
Я слушал его и на курс подтверждаемый лёг.
С включённым форсажем лечу, высоту набирая,
У горла комок, перегрузки уже восемь «ж».
А мой истребитель, ну что за удача такая,
Лёг в плоский полет горизонта уже.
Легко, как учили, штурвалом ловлю направление,
На всех оборотах турбины истошно поют,
Пусть эта машина, Господь и немного везенья
Помогут мне в этом смертельном бою.
Искрили снежинки и вместе с моим парашютом
Летели к земле в одинаковом ровном строю,
Внизу догорали обломки красивым салютом,
В таком не знакомом мне, диком краю.
Порывистый ветер встречает серебряный купол,
И бешено мчится навстречу чужая земля,
И видит Господь, я, подбитый, о смерти не думал,
Святое молчание, падал, храня.
Один только ангел мою катапульту заметил,
И бережно крылья под ноги мои подставлял,
Отдавшись на волю ветрам, я ему не перечил,
Согласный во всем, головою кивал.

Фермер

Мне, фермеру, вас трудно удивить:
У вас свои в сарае ходят куры...
Я молоко вам буду приносить
От козьей беспородистой натуры.

Не важно, что не пьёте вы его,
Пускай закиснет, станет простоквашей.
И вот теснится банками окно
В светёлке милой одинокой вашей.

Взамен цветов весенних на порог,
Я ставил банки, пробираясь вором
Вдоль ваших скромных тёсовых чертог,
С таким же облупившимся забором.

Июль, удои падали в жару...
Как хочется от августа прохлады!
У нас в сосновом гурьевском бору
Мошки и мух на редкость – мириады.

Ну, вот и осень, дует ветерок,
Листы у веток шумно отрывая.
Увял подсолнух – солнечный цветок,
Пустой головкой у земли кивая.

Взамен цветов осенних на порог
Я дальше свои банки буду ставить,
Пока позволит припасённый стог.
И к сказанному нечего добавить...

Моя отрада

Ты одна – предел желаний!
Ты – мой ангел во плоти!
Центр неведомых познаний,
Бесконечный юрити!*

Всё спешишь, моя отрада,
Множа свиток разных дел.
У калитки палисада
Я тебе играл и пел.

Вскинешь бровь свою крутую
И – по кругу, танцевать!
Я готов тебя такую
До утра зацеловать.

Пусть завидует соседка,
Жадно взглядом пригвоздив.
Ты – нарядная кокетка,
Да и я с тобой красив!

* * Неологизм автора. От: юрить

Расставание с Ялтой

Волна, что водою играла,
Слегка омывая причал,
Солёным прибоем шептала,
Что час расставанья настал.

Забиты давно раздевалки,
И убраны в склад лежаки.
От летней весёлой рыбалки
Вздохнули и рыб косяки.

Без лишнего шума и гвалта
Безмолвно мигает маяк.
За мысом красавица Ялта
И красный фарватерный бак.

Рыбацкие шхуны на рейде,
Хоть трюмы давно уж пусты.
Один незнакомый мне сейнер
Стоял – неземной красоты.

Среди одинаковой масти
Он явно чертами другой.
Свисали с кормы его снасти
Красивой крутою дугой.

Корабль как призрак, ты где же?
Исчез, появившись на миг.
Название помню я – «Нежин»!
Сорвался мой голос на крик...

Вода, что волною играла,
Слегка омывая причал,
Солёным прибоем шептала,
Что час расставаний настал.

Олимп

Нисходит на облако солнечный свет,
Вздываются стройные Оры,
Фемида взывает на новый совет,
Где правят суровые Мойры.

Пирует в златёных чертогах Гефест,
Царь Зевс восседает на троне.
Он свиток законов – святой манифест –
Богам преподнёс в Пантеоне.

Нет силы другой, где главенствует рок,
Но брошен таинственный жребий,
Богини Тюхе изобилует рог,
Дар этой богини волшебен.

Царит на Олимпе таинственный сонм,
Порядок главенствует в мире.
Ведя хороводы, идет Аполлон,
Богиням играя на лире.

Под пение муз замирает Олимп,
Стихают огонь и пожары,
Когда он ударит по струнам тугим
Своей золочёной кифары!

Хариты и музы встают в хоровод,
Природа внимает их пенью.
И радует солнцем дневной небосвод,
И веет полуденной ленью.

Салаирское кладбище

У самой дороги, где столбики в рост,
Стоит обнесенный оградой погост.
Асфальт доведет до железных ворот,
И каждый, кто в эти ворота зайдёт,

Поймёт, что работа еще подождёт,
Поймёт, что вот здесь тишина и живёт,
И каждый из тех, кто обрёл здесь покой,
Уже воротился обратно домой,

Избавив себя от болезни и мук,
Оставив живых в мире скорби, разлук,
Уйдя навсегда от печали своей
В загадочный мир незнакомых теней.

А дальше от входа – ряды тополей,
За ними – могилы недавних друзей.
Вот здесь обрели они вечный покой,
И вместе лежат под сырою землёй.

Как веселы были их ночи и дни,
И радостны были, встречаясь, они,
Бокалы вина за столом поднимая
За жизнь, в дни рожденья и праздники мая!

А ныне, под этим надгробьем богатым
Молчат на портретах родные ребята.
И смотрят они, не проходит и дня,
Куда-то вперёд, еще мимо меня.

Грани времени

А я, календарь облетевший листая,
Брожу средь могил у дорожного края.
Чего средь могил я, блуждая, ищу?
От новых имён на крестах трепещу.

Ищу, чтобы многих припомнить стихами,
Чтоб где-то когда-нибудь лечь между вами.
Тогда пешеходу у свежих могил
И я был бы тоже и дорог и мил.

Я полон страсти и желаний,
Ещё есть ум, немного знаний,
Есть сила рук, проворность ног
И речи восходящий слог.

Но как в степи ночная птица
Куста стоящего боится,
Так я, ещё живя, боюсь
И жить уже не тороплюсь.

Чего бояться? Я невольник?
Раскольник или богомольник?
Хотя – отшельником живу.
Всегда в покос кошу траву,

И лучше нет для глаз награды,
Чем зелень я ящиках рассады.
И радуется улов сетей
Из крупных, жирных карасей.

В хлеву просторном блеют козы,
В саду над речкой спеют лозы,
И летом украшает сад
Едва созревший виноград.

Петух, как водится, поёт,
И солнце красное встаёт
С востока. Так же, как когда-то.
И так же прячется обратно.

И те же ночью комары,
И те же дальние миры
Висят над головой. Часами
Плывут они над небесами.

Пока явившейся Авроре,
Как будто в вечном договоре,
Нет места. Но она встаёт
И свет с теплом с собой несёт.

Чего же я боюсь? Не знаю.
Что редко я её встречаю?
Что первозданный мир засим
Едва ль останется таким?

И не помогут от напасти
Ни сила рук, ни жажда страсти,
Ни речи выверенный слог,
Ни ум и ни проворность ног.

Сирень

Пред отцом я преклоню колени,
Перед мамою склонюсь я ниц,
Где в кустах сиреневой сирени —
Щебетанье прилетевших птиц.

Я весной в угаре с птичьей стаей
Тоже петь соловушкой готов.
Кажется, весной этой ранней
Тише ход испорченных часов.

Кажется калитка в нашем доме
Мне воротами в библейский рай.
В голубой, чарующей истоме
Растворился долгожданный май.

Пред отцом я преклоню колени,
Перед мамою склонюсь я ниц.
Эх, подгнили тёсовые сени
И зияют пустотой глазниц.

Ты, сирень, теперь — напоминанье,
Всё цветёшь, купая цветом май.
Мне свои весенние лобзанья
О былом с любовью передай.

Не уходи надолго от меня!
Хоть провожать давно вошло в привычку.
Сорвавшись, падаю день ото дня
За грань дозволенного. За кавычки.

Пускай из чёрствой письменной строки
Другие жатвой будут долю славить,
А я, пустые сжавши кулаки,
По-прежнему – в пылу страстей лукавить.

Так выйди, счастье, смело на порог
За мной. Не бойся тишину оставить.
Я поднесу вина «на посошок»,
В Крещение больше нечего добавить.

И в прорубь стылую, не доставая дна,
Спустишь в холщовой вышитой рубашке –
Как белый лебедь, как фужер вина
В купели ледяной – как в тёплой чашке.

На створах новой жизни обновись,
И обновлённой я тебя встречаю...
Как раньше, свету снега улыбнись
И сладкому заваренному чаю...

Поэтам

В годину испытаний,
В годину темноты
Не жгите в оправданье
С поэмами листы.

Путь людям освещая,
Услышишь где-то звон
От края и до края.
Зачем вам нужен он?

Стараются невежды,
Но светом доброты
Поэты, как и прежде,
Лучисты и чисты.

И в этот час скитанья
Я слышу у ворот,
Что душу на закланье
С вас требует народ.

Играет в колокольчик
Безвестный поводырь,
Всё радостней и звонче
И вдаль зовёт и вширь.

Обманчивы старанья
Заморских мудрецов.
Ведь лира – в трепетанье
Для лириков-певцов.

Грани времени

Едва ли колокольчик
В тумане вам помог.
С велосипеда мальчик
Звонил вам вдоль дорог.

Поэтам Борису Кузнецову и Дмитрию Клёстову

О, вы, отцы и корифеи,
Собратья дружного пера!
То ядовитые, как змеи,
То рифмы скромные лакеи,
То удалые кучера.
Недолго скромные фуршеты
В друженье с вами видел я,
И те старинные сюжеты,
Где от метафор – западня.
Надежно рифму запрягая,
Своим стихом несёте вы
Любовь от края и до края,
До окончания главы...
И будет сердцу неуютно,
Едва с вершин сойдёте вы.
Возьмите и меня попутно –
Оруженосцем рядовым.
Тогда, в служенье Мельпомене,
Невозмутимость сохраняя,
В известном стихотворном тлене
Не обвинят уже меня.

К звезде

Увижу на небе ночную звезду,
На север за ней, как паломник, уйду.
Пойдёт ли за мною молящий народ?
Закружит ли снег на пути хоровод?

На западе, знаю – отвалов гряда,
С востока сверкает хвостов череда,
На юг протянулся лесистый хребет...
На север пойду, там дорога и свет.

Пока еще ветер за озером спит,
Пока ясный месяц, играя, горит,
Заброшу дела и уйду далеко,
Пусть будет на сердце светло и легко.

А, может быть, это, как прежде, печаль
Зовёт терпеливо в манящую даль,
И я, по дороге упав в борозду,
Безвестно в пустынной степи пропаду?

Померкнет от бури ночная звезда,
А в дымке растают в огнях города,
И лишь позади, как святой ориентир,
Засветит огнями с холма Салаир.

Он так же, как перст, средь тайги одинок,
И брошусь назад я к нему со всех ног.
Во храме с колен я звезде помолюсь,
Святою водой из колодца напьюсь.

Горлица, горлица, сизая птаха,
Покормись-ка, горлица, из руки без страха.
Молодую горлицу сокол в небе ждёт,
Потому-то горлица песен не поёт.
Грудь её, что маки,
Крылья – как вино.
Руку с прелой рожью высуну в окно.
Нежно шею вытянув, зёрнышки клюёшь
И с собой к проталинам полететь зовёшь.
Я бы вместе с горлицей полетал,
Быстрого бы сокола отогнал,
Только гулит горлица мне в ответ:
«У тебя ведь отроду крыльев нет...»
Эх, и правда, горлица, не взлететь,
За тобою, быстрою, не успеть.

Любовь звезды

Где Альфа всего, где начало начал,
Где месяц с звездой звезду обвенчал,
Где славный небесный вокруг звездопад,
Где круг молчаливый туманных плеяд,
Из камня звезда появилась на свет.
Летела она среди царства планет.
Как созданный мир для неё небосвод,
Нескучен по небу волшебный полёт.
Искрилась звезда между тёмных небес,
Луч света её, как одно из чудес.
И там, где он светит, куда упадёт,
Песчинка иная брильянтом блеснёт.
Звезда загордилась таким волшебством
И стала хвалиться своим существом.
И вот подружилась с планетой той,
Которую люди назвали Землёй.
Как было не раз, зазвездила звезда,
Решила она для себя навсегда:
– В обнимку с Землёю лететь веселей,
Там много весёлых и добрых людей,
Их можно теплом и любовью объять,
И вместе с Землёю, обнявшись, летать,
От жарких объятий мы станем стеклом...
Оставь нам заботу свою на потом,
Собой освети нам начертанный путь,
Куда ты посветишь – готовы свернуть.
Мы жар твой зовём жизнетворным теплом.
Земля уж давно – наш единственный дом.
И знаешь, для жизни совместной, пока,
Люби нас, любимая, издалека.

Исповедь

Не претендую ни на что!
Испеты по куплетам песни.
Пишу в своих стихах про то,
Что мне милей и интересней.

И вот в вечерний поздний час,
Когда Луна желтила светом,
С небес звучал небесный глас
Призывом будущим поэтам.

Скажи мне, ангел, для чего
В своих словах к тебе в служенье
И вдохновенно и легко
Пишу свои стихотворенья?

Ах, что за проповедь была!
С таким же потаённым светом,
Без фальши, грубости и зла,
В тиши воспетая поэтом.

Не претендую ни на что!
Но пусть слова мои частицей
На белый в клеточку листок
Заветной лягут плащаницей.

Музе

Тесно мне под сводами кварцитов,
Вижу я так редко белый свет,
Так давно живя среди пиитов,
Я, тобой обласканный поэт.

Да и ты меня всегда манила,
Но сегодня, через столько лет,
За плечом моим едва парила,
Заглядевшись в пошлый интернет.

Соблазняя рифмою убогой,
Манишь в мир, где радости и нет,
Рассыпаешь голубой дорогой
Вроде бы обёртки от конфет.

Обнажив растрёпанное тело,
Тащишь в бездну беспросветных бед,
Восхваляя весело и смело
Виртуальность счастья и побед.

Но, тебе благодаря, я знаю,
Что стихи – совсем не рудимент.
Потому я больше не читаю
Ежедневных массовых газет.

Встреча с юностью

Не звони, хрустальный колокольчик.
Тишиной в Сибири спой мне, ночь.
Юность – это лет моих кусочек,
Это только молодости дочь.
Я не знаю, может, это глупость:
Мне под утро больше не спалось,
Показалось, что шальную юность
Мне с рассветом встретить довелось.
Крикну ей, проснувшись поневоле:
«Не ко мне ли снова ты бредёшь?
Я ведь помню о тебе по школе...
Может быть, на огонёк зайдешь?»
Мне тоскливо юность отвечала:
«Я не та, и жизнь моя мала,
Нет теперь у юности начала,
Интернетом выжжена дотла».
Хорошо мне было бы с юнцами,
Но с пелёнок – лишь с экрана свет,
И теперь лопочет их устами
Молодой бездушный интернет.
Бог же с ними, улыбайся чаще!
Лучше спой из юности куплет.
У меня в лесу, в дремучей чаще,
От лампадки тот же тёплый свет.
И вошла она, одежды скинув,
И сбежали волосы до плеч.
Я пошел за нею, рот разинув,
Чтоб теперь лелеять и беречь.

Грани времени

Колокольчик, не звени слезами,
Тишиной своей пропой мне, ночь.
Я ведь, юность, мальчик тот же самый,
А ты та же молодости дочь.

Юной художнице

– Ты скажи-ка, друг мой нежный,
Так ли день твой безмятежный?
Так ли сладка ночь твоя?
Те же трели соловья
Льются над твоим окном?
Так ли твой приветлив дом?
Кто тебе читает сказки,
А в альбоме те ли краски,
Что когда-то видел я?
Или, может, у тебя,
О, художник мой прилежный,
Сон давно не безмятежный,
И полынна ночь твоя
Без распевов соловья?
И ответила она:
– Нет ни сада, ни окна,
Ночь тревожна, и не спится,
Не поет ночная птица,
Не читают больше сказки,
Уж давно засохли краски,
И закончен мой альбом,
И сгорел наш старый дом...

Напоминание

Давно закончено веселье,
Увял мной сорванный цветок.
На облетевшем ожерелье
Один остался лепесток.

Он мне собой напоминает,
Как быстр времени поток,
Ведь тот, кто любит, он не знает,
Что скоро будет одинок.

И будто канув в безвременье,
Я полюбить уже не смог.
Так в чём, скажи, предназначенье
У разошедшихся дорог?

Ах, да, событий, знаю, много
За этот срок произошло.
Теперь ты стала недотрога,
Как перезревшее вино.

Но цвет вина твой прежним соком
На солнце радужном играл.
Он мне о времени далёком,
Как лепесток, напоминал.

Отцу

Есть плиты из мраморной крошки,
Кресты – по высокой цене.
Дешёвые – мелкой рыбёшке,
А этот, с бордюрами – мне!

Хожу, как купец, выбирая,
Хочу для отца – в полный рост.
Каёмка на нём золотая...
Давай-ка его на погост!

Чтоб надпись на солнце играла,
И даты: пришёл и ушёл,
От самого чтобы начала
До скорбно законченных дел!..

...Кому ты нужна, позолота?
Земля, что ли, будет пышней?
Но сделать так много охота
Тому, кого нету родней.

Есть плиты из мраморной крошки,
Кресты есть по сходной цене.
Я свой унесу по дорожке
На сгорбленной жизнью спине.

И грома над мною раскаты,
И дождь, словно слёзы, с небес,
И плачет, закатом объятый,
Крестами утыканный лес.

Коромысло и хомут

Долго спорили про труд
Коромысло и хомут.
Коромысло говорило:
– Я ли воду не носило,
Не спускалось ли к ручью
Да к холодному ключу?
Не ходило ли далече,
Не мозолило ли плечи?
Ты ж, хомут, не знал работы.
Тут висишь, скажи, на что ты?
Есть оглобли и дуга.
Чей ты прихоти слуга?
И шлея есть, и потник,
Колокольчик-баловник,
И из кожи есть седло –
Вон, висит в углу оно.
Отвечал ему хомут:
– Для чего я нужен тут?
Я – лишь только украшеньё,
Вот увидишь: в воскресеньё
Мною, словно ожерельем,
Шею лошади замкнут.
Ленты шёлка пристегнут,
Дёгтем ступицы помажут,
Пару слов вознице скажут,
В санки лошадь запрягут,
За поводья поведут.
Песни с санок запоют,
И чего не жить мне тут?
Коромысло обалдело!

Ведь оно давно хотело
Воду в ведрах не носить,
Хомутом на шее быть!
Так что стоит постараться.
Захотело поменяться!
Запрягал коня старик:
Коромыслом тык да швык.
Привязал он коромысло –
На коне оно повисло.
Сыромятиной стянул,
В щель оглобли протолкнул,
Сани дёрнула скотина,
Заскрипела древесина.
И запело коромысло
И протяжно, и речисто.
И со смехом, словно шут,
Со стены слетел хомут.

В любви родительской рождённый,
Младенцу божьему под стать,
Шептаньем нив заговорённый,
Я стал бы с ветрами летать,

Где русла новые Ишима
Могли туманом пеленать,
Где в зыбке ласково, незримо
Меня качала ночью мать,

Будило утро тишиною,
Всходила новая заря,
И листья сыпались весною
От первого календаря.

Второй, и третий, и десятый
Согласно времени текли,
И вот двадцатый и тридцатый
Остались навсегда вдали.

Степей желтеющие нивы
Теперь я в сердце берегу,
И ветра свежие мотивы
Во сне припомнить лишь могу.

Другие, новые куплеты
Мне с сопок пихтовых поют
И к водам тёмным вечной Леты
Уже отчаянно зовут.

Трубит в трубу свою глашатай.
Кому его сигнал, кому?
Я календарь шестидесятый
На стенке закрепил в дому...

Сладкий яд

В служенье рифме безответном
Не повернуть уже назад:
Подсыпал кто-то незаметно
В бокал вина мне сладкий яд.

С тех пор, над рифмою колдуя,
Душа не требует наград,
Чуть-чуть к поэзии ревнуя,
Зовёт обратно в майский сад.

Но яд подсыпан был недаром,
Ведь кто склонялся над цветком,
Тот сладким утренним нектаром
До утра занят целиком.

Вот как-то ночью незаметно
Бродил и я среди аллей,
Где так легко и беззаветно
Срывались тихо листья дней.

Они хрустели под ногами,
Ведь облетал весенний сад...
И никого уже стихами
Не отравлял бессильный яд.

Аллея кончилась. Ограда
Стояла на моём пути.
Как из разросшегося сада
К тебе хотелось мне уйти!

Дорога, знаю, где-то рядом,
Но мне с аллеи не сойти.
Мне хорошо. Я с этим ядом
На сладком остаюсь пути...

Витражи

Что я, что я в жизни значу?
Может, станет грудь в крестах,
Если жизнь переиначу
На исписанных листах.

Нет, не мыл я золотишко
По разлившимся ручьям,
Не кайлил я серебришко
По глубоким рудникам.

И зверьё я не стреляю,
Нет теперь в тайге зверья,
Лося сворой добивают
Браконьеры-егеря.

По тайге еще остались
Буреломы на дрова.
Отгнездились, отлетались
Косачи-тетерева.

Птица, зверь – как на картинке,
На стеклянных витражах,
Пихты, сосны и осинки
На расписанных листах.

Что без вас я в жизни значу?
Грош цена моим словам.
День и ночь о вас я плачу,
Прикоснувшись к витражам.

Март весенние губы надует,
Даст земле напиться воды,
Влагой вешней в уста расцелует
Пробуждающиеся цветы.

Побегут, по-ребячьи играя,
Полноводные к рекам ручьи,
И скворцов прилетевшие стаи
Порассядутся на кусты.

Стуком дятел своим зазывая,
Сыплет эхом под кронами дробь.
Дымка ляжет в логах голубая,
Где оттаяла рыжая топь.

И опять, колокольчик, пугая,
Прозвонит на степной полосе,
И я радуюсь, радуюсь, зная,
Что пройдёт это всё насовсем...

Блудницам

Вавилонская блудница,
Шёлки сбрось-ка ты на пол,
Пусть сверкает колесница,
Как зубастый диавол.

Спрячешь римские законы
Под прозрачную вуаль,
И заплачут Купидоны,
Вспомнив прежнюю мораль.

Притаились у дороги
Соблазнитель телес.
Отвернулись даже боги,
Удивлялся даже бес.

Словно нитями разврата
Всё сплелось в тугую сеть.
И теперь в такие врата
Не пройти и не пролезть.

И играет колесница,
Светит солнцем нежных спиц.
Ах, заставить бы молиться
Наших нынешних блудниц!

Но поборницы Нерона
Отвечают, как всегда:
Наша башня Вавилона
В Вавилоне – навсегда!

Вовкина жена

Как гуляли вчера,
Пели песни не в лад,
У ночного костра
Саня делал шпагат,
А Серега с соседкою –
Вовки женой –
Хороводы водил
И хотел взять с собой.
Он на флоте служил,
Он морская душа,
Ну, и в грудь себя бил,
Хоть и с детства левша.
Клялся морем любить
И с собой взять в поход,
И усищи побрить
(Бакенбарды не в счёт).
Только Вовки жена
Не хотела в поход,
Не любила она
Глубину синих вод!
Ей милее и краше,
Степей ковыли
И таёжные наши
Вершины вдали!
И шустрее в стаканы
Бежал самогон,
И душевные раны,
И выдоха стон.

Письмо зека

Что мне теперь сибирские морозы,
В Хибинах жмёт мороз за пятьдесят.
Вокруг теснятся карлики-березы,
И не растёт на лозах виноград.
И лоз тут нет, зато с кудрями шёлка
Растёт на камнях посиневший мох.
Здесь было много северного волка,
Но он, последний, уж давно издох.
Что написать тебе, давно избиты
Все темы старые, а новых – просто нет.
Я добываю в недрах апатиты
Последние свои двенадцать лет.
Еще чуть-чуть, и ты о нас услышишь,
Про наш секретный ядерный проект.
И там, в Москве, по телеку увидишь,
Какой от взрыва может быть эффект.
Прораб в бригаде растянул подтяжки,
Когда в штаны засовывал рубли.
Он их хранит в кармане возле ляжки,
В мешочке – вместо горсточки земли.
Я не такой, Катюша, ты же знаешь,
Чтобы хранить все денежки в трусах,
Ты ж с Севера по почте получаешь
Мои рубли – с приписочкой в стихах.
Забыл к тебе я старые обиды,
Томлюсь о встрече, как в кино, точь-в-точь,
И рудник свой, и северные виды
Я б променял на ласковую ночь.
Взгляни на небо, там небесный спутник

Тебе и мне горит одной звездой.
Мне снится ночью Кировский наш рудник
И дремлющий на вышке часовой.
Смотри на небо, Катя, чаще, чаще,
Оно манит своей голубизной,
Как вещий сон к утру бывает слаще,
Так рудник наш с своею глубиной.
Но если ты, уставшая от скуки,
Совсем измучилась и ждёшь меня домой,
Могла бы, между прочим, на поруки
Забрать меня, сиротушку, домой.
Мне, Катенька, Москва – как перекрёсток,
А наш рудник – бриллиант среди камней.
В полярный день сияет полуостров
Сильней, чем от искусственных огней.
Одна беда – до Северного моря
Подать рукой, но, видимо, не мне,
Такая, Катя, воровская доля –
Работать в этой каменной тюрьме.
Ты там одна, смотри, не увлекайся,
О наших встречах чаще вспоминай,
А в воскресенье, Катя, постарайся:
Организуй конфеты, водку, чай.
И жди меня, еще совсем немного,
И он наступит, долгожданный май.
...Открою дверь ключом, а ты с порога:
«Знакомься, это муж мой – Николай!»

Жизнь – как дым...

Проходи, прохожий,
Не топчи мой прах.
Я живым был тоже,
Но сгорел в делах.

В молодые годы
Вдоволь ел и пил,
А вдохнув свободы,
Погулять любил.

Затуманил разум
Ресторанный дым,
И не понял сразу,
Как я стал блатным.

Защищали в стрелках
Воровскую честь,
На столе в тарелках
Было что поесть.

Как вода из крана,
Как закат в окно,
В баре ресторана
Красное вино.

Но закончен вечер
С пляской на столах,
Зажигались свечи
В снятых номерах.

И в шальных объятых
Полупьяных дам
Жил я по понятиям
К тридцати годам.

Смелый и отважный
В пору спелых лет,
Под ремнем заряженный
Спрятан пистолет.

Запирали в кейсы
Оборотный нал.
Отправляли в рейсы
Чёрный капитал.

Оседали бабки
Не рублём в штанах,
При экспресс-доставке –
В Кипре на счетах.

Закипал мой разум
При больших делах.
Надо же заразе –
Притупился страх.

Заказал я пиццу
Для себя в обед,
А пришёл убийца,
Вынул пистолет.

Грани времени

Проходи, прохожий,
Не топчи мой прах.
Я живым был тоже,
Но сгорел в дела

*Баллады и
исторические стихотворения*

Преданный конь

Копытом в конюшне бьёт конь вороной,
Он чёрный, как смоль, красоты неземной,
Уздечка с набором, обвита парчой.
Не знал он ударов татарской камчой,
Кормил его конюх отборным овсом,
Расчесывал гриву цветным гребешком.
Меняли коню, не жалея, подковы,
Не вешали, в поле пуская, оковы,
Не жгли раскалённым железом бедро,
Не ставили и для учёта тавро.
Поили коня ключевой водой,
И как ритуал был его водопой.
Всё вдоволь ему: он и ест, и гуляет,
И ни хомута, ни кнута он не знает.
Копытом в конюшне бьёт конь вороной,
Он весь в нетерпенье трясёт головой.
Но что же, товарищ мой, надо тебе?
Чего ты боишься в ночной тишине?
Ведь прочны на дверях стальные запоры,
Не вскроют замки лошадиные воры,
И службу исправно несёт у дверей
Надёжный охранник – старинный лакей.
Но конь вороной час от часа слабел,
И воду не пил, и овса не хотел.
И страшен был друга любимого храп.
Скакун не резвился и телом ослаб.
И часто бранила жена молодая:
– Зачем тебе эта скотина худая?
Избавься, убей, что ты возишься с ней!
В твоих табунах ещё много коней!

А этому пуля – и делу конец.
Возьми припасённый для дела свинец,
Сведи к живодёру больного конька...
Не ты, значит я, и не дрогнет рука!

Склонился тогда он над ухом коня:
– Не выживу здесь без тебя я ни дня!
И конь-сотоварищ легонько заржал,
Как будто бы тихо ему отвечал:
– Хозяин мой милый, рассказам не верь...
Ночами бывает открытою дверь,
И голос я слышал жены молодой,
И вторил ей эхом какой-то другой,
И слово короткое слышалось – яд...
Но только скрывал собеседника сад.
Хотелось на волю, я рвал поводка,
И предупредил бы, да только вода
Свалила отравой подсыпанной вдруг...
Прощай навсегда, мой товарищ и друг!
Побойся, хозяин, жены молодой,
Вот так же поступит она и с тобой...
И бился недолго конёк вороной,
Затих он, укрытый парчой золотой.

И князь воротился к себе во дворец
И видит: с женой сын лакея – юнец.
Смеются они, о коньке говорят,
Недаром, что шапки на ворах горят.
Ему штоф вина вдруг жена предлагает,
И тоже себе из ковша наливает.
Шипит белой пеной подсыпанный яд.
Князь кубок берёт со стола наугад,

Слугу молодого к себе подзывает
И выпить из кубка его заставляет.
Тот пьёт, и дрожит от волненья рука,
Но жив остается прислужник пока.
И кубок второй он жене подвигает,
Та громко кричит и, терзаясь, рыдает,
Её жалит ею же всыпанный яд...
Упала она посредине палат.

Живёт, говорят, у себя во дворце
Князь старый один. В деревянном ларце
Хранит он уздечку коня своего.
Хранит он её у себя для того,
Чтоб вспомнить счастливые юности дни.
Уже не вернутся обратно они.

Бай

Когда Луна за солнцем уходящим
Свой бледный лик означила с небес,
Хвала тогда кочевникам молящим,
Хвала Корану в золотой обрез.
Оставив слугам яства дастархана,
Свой намазлык правитель достаёт
И, как любой приверженец ислама,
Молясь Аллаху, на него встаёт.
О, грозный сын казахского народа,
О, повелитель выжженных степей!
Скупа на краски жёлтая природа
В цвет тучных табунов твоих коней.
Потерян счёт пасущимся отарам,
И ты, хозяин, как всегда, готов
Живущим на твоей земле дехканам
Отдать широким жестом, просто даром
Своих баранов или скакунов,
Прощать родне старинные ясаки,
Не поклонившись, старшим говорить,
И разрешать ребятам баурсаки,
Играя, в казане твоём варить.
Ты можешь всё, в стране, где спеют маки,
Приблизить или вовсе отдалить.
Лизали слуги руки, как собаки.
Но... Ты не мог заставить полюбить.
Живёшь себе роскошно в юрте бая
И знаешь многих с головы до ног.
Тебе доступна женщина любая,
Но лишь одной ты радоваться мог.
Лицо её – восточная пиала,

Особый шарм – рельеф широких скул.
И голову у девушки венчали
Цветы, что в марте дарит саксаул.
Красива вязь на рукавах халата,
Сторочен верх у кожаных сапог.
Еще калым – родителям оплата:
Таёжный русский золотой песок.
Набита юрта бая до отказа,
Полно и ваз китайских, и шелков,
Никто не отказал ему ни разу.
Дарили баю всё, но не любовь.
И к девушке пришли от бая сваты,
Один играл ей на домбре и пел,
Подарки разложили и халаты,
Как бай им, отправляя, и велел.
Горда она, достойна восхищенья,
Тверда в словах, подарков не берёт.
Ведь рядом, близко – русское селенье,
И там давно жених ее живёт.
Бай может всё в стране, где спеют маки,
Приблизить или вовсе отдалить.
Жестоки могут быть его баскаки.
Но только как заставить полюбить?

Какой черкес не веселится,
В могилу русского загнав?
Кавказ давно уже дымится,
В руках с оружием восстав.

Он – как плохой пример окраин,
Как в бурю тронувшийся лёд.
Уже жалеет злой татарин,
Что у границы не живёт.

В предгорьях горного Казбека
К сраженьям рог их призовет.
Для новой битвы, для набега
Набор их воинов идёт.

Как правоверный мусульманин,
К ремню приделав свой кинжал,
Шамиль – известный басурманин –
С отрядом в горы убежал.

Он не привык играть словами,
И с гор спускается карать.
Вместо мяча он головами
Привык солдатскими играть.

Там на осколках православных
Глумится бешеная рать.
И на сраженьях наших славных
Лежит предательства печать,

Пока из недр кремлёвской власти
Не выйдет кто-нибудь другой,
И будет он из крепкой масти,
И поведет нас за собой.

Тогда отмстим! Под звон булата,
Под гики конных егерей –
Штыком за каждого солдата,
Свинцом за слёзы матерей.

Встреча на Валааме

Они пришли ко мне толпою.
Один на милость попросил.
Я где-то видел их зимою,
Да где уж видел – позабыл.

Зайдя, у входа сняли шапки.
Один отчаянно дымил.
Я предложил вошедшим тапки
И на скамейку усадил.

Снег таял, и катились капли
У них с оттаявших сапог.
Друзья промокли и озябли,
Я не впустить бы их не смог.

– Ты похмелишь нас? Наконец-то... –
С надеждой выдохнул седой.
Я почему-то вспомнил детство,
Когда стакан достал второй.

Тельняшек на груди полоски
Слились в единое пятно.
Они тянули папироски,
Пуская дым через окно.

Я мельком бросил взгляд на ноги,
И сразу смолк, поник, затих:
Ведь под одеждой их убогой
Ног было три на четверых.

Вот почему валялись тапки
По коридору у двери,
И вместо ног остались тряпки,
Запрятанные в сапоги.

И тут я вспомнил вдруг про тачки
У наспех сделанных ларьков,
Про папиросные заначки
У них – безногих моряков.

И разливал я по стаканам
Однажды припасённый спирт,
И как лекарство будет ранам
Вам Валаамский монастырь...

Последняя битва

От звона бранного и стопа
Дрожала изверга корона.
Улан, в каре построенных, ряды –
Всё видели бельгийские сады.
Но! Не помогли ни опыт прошлых битв,
Ни тихий шепот утренних молитв,
Ни тайные старания души,
Ни помощь опоздавшего Груши.
Наивный, торопил свои войска,
И так казалось, что уже близка
Была его последняя победа.
Расставили уланов до обеда.
Коварный Блюхер, огибая склоны,
На Ватерлоо повернул колонны,
Усилил ослабевших гренадер.
Прусак-фельдмаршал – выскочка, позёр,
Но! О, несчастье – в первом же бою
Он честь и шпагу растерял свою.
И вот он, случай, в этот славный час
Отдать «Вперед!» торжественный приказ!
Но! Не верил в славу верный маршал Ней,
Былых сражений редкий чародей.
И не его ли восхищали драки?
Войска его, как верные собаки,
Рвались с поводыев, брызгая слюной,
И продолжался сумасшедший бой.
Но оскудевший отставал обоз,
И на солдат уж не смотреть без слёз:
Голодные французские войска,
Лишенные солдатского пайка,

Да и гвардейцы – тоже не вояки,
Хоть преданные были забияки.
Гвардейцы славные, с вершины Мон-Сен-Жана,
Ваши ряды сомкнутся без изъяна.
И император в центре – Бонапарт.
В его глазах и смелость, и азарт.
Вдруг оживился лагерь англичан:
Дробь рассыпал военный барабан,
И отбивать союзников атаки
Уже нет сил, устали и прусаки.
О, современник, слушай, напиши,
Что ждали от фельдмаршала Груши
Его подмоги, новых свежих сил,
Картечи свист и радовал и злил...
Но крутится фортуны колесо,
И все победы – как вода в песок.
Герои битв потомками забыты,
Тела их бранные в чужой земле зарыты.
И стёрты с плит могильных имена.
О, Франция! Республика! Страна!
Все кончено, пора в пустой Париж,
Где ждет позор, и в отречение тишь.
Теперь, с прошедших времени вершин,
Он смотрит на тебя – ещё твой сын.
На острове живет святой Елены,
Химеры в голове еще не тленны,
Теснятся в тайниках больной души...
Ты, милый современник, напиши,
Как здесь, о скалы бьющая, волна
Будила от полуденного сна,
А верховенство нового закона
Его лишало не покоя, больше – трона!

Ведь здесь живя, его он не имел.
Он здесь, на этом острове, старел.
И только игры в шахматы могли
Чуть грусть смягчить в отчаянные дни.
И лишь прислуги маленькая дочь
Старалась в одиночестве помочь.
Её глаза волшебные горели –
Наивные на солнце акварели
Открытых, но неопытных картин,
Под цвет молодых и неокрепших вин.
Она росла таинственным ростком.
Он любовался, наблюдал тайком.
Кого она ему напоминала,
Когда по-детски в куколки играла?

Волшебное озеро долины Укока

В волшебные ночи на свой водопой
Спускаются кони кремнистой тропой.
Тихонько губами к воде припадут –
Чудесную воду из озера пьют.
Струёй изумрудной им светит вода,
Припай голубой из волшебного льда.
Уже ритуал – их ночной водопой,
Траву запивают целебной водой.
В воде заключался весь круг волшебства,
Молитвой хранились в ней чьи-то слова.
И силы волшебной коням придаёт
Ночной водопой их на озере тот.

Но вот в разномастном большом табуне
Табунщик, подолгу не видя коней,
Волнуясь, поскачет, в рожок загудит,
В табун зазывая, по полю летит.
Скрипит под наездником кожей седло,
С конями работать – его ремесло.
Хлыстом он коней лишь пугает, не бьёт.
Коням у погонщика – строгий учет.

Но кто же хозяин его лошадей?
Табун скакунов у табунщика чей?
В красивой огранке седла облучок,
Со острою шпорой его каблучок,
И шапка с хвостами из соболей,
Как та, что у польских была королей.
И виден орнамент с его рукавиц,
И золото светит с расшитых петлиц,

Сурком оторочен у куртки рукав,
От стремени справа – его волкодав.

Считает табунщик свои табуны,
Подсчеты и часты его, и точны.
Привстав в стременах, озирает табун.
Лицо выдаёт, что он молод и юн.
И сходит улыбка мгновенно с лица,
Ведь юноша вспомнил наказы отца:
«Гнедому коню нужен строгий пригляд,
Пока не найдёшь, не вернёшься назад!
С особой заботой коня наблюдай,
Про сон в эту ночь у костра не мечтай!
Крадись по оставленным утром следам,
Скачи поскорее к другим табунам!
Ведь там, где под солнцем ручей серебрится,
Пасётся утрами одна кобылица...
Вот там и ищи жеребца моего –
В долине Укока, меж вечных снегов,
Где горный родник изменяет свой цвет,
Где мхом изумрудным весь камень одет,
И тёмною ночью, когда звездопад,
Там слышится пение славных наяд».
И мысль лишь одна в голове у юнца,
И утренней гонки не видно конца...
Но вот в белом саване древний Укок,
Заветный пред взором предстал уголок.
Табунщик привычно рожок достаёт,
Коня дорогого гудками зовёт.
Гудит. Но не слышит гудка жеребец.
Но чем же ты занят, мастистый самец?
Хоть сладок бывает ночной водопой,

Пора возвращаться в конюшню, домой!
Струится родник ручейком между скал.
Он что-то юнцу про коня прошептал.
Но только не слышит в запале юнец,
Одна только мысль – что же скажет отец –
Стучит под висками в его голове.
Вдруг след он заметил в высокой траве:
Копытами сбита на землю роса...
Спустил с поводка всадник верного пса.
Есть редкое место в долине Укока,
Не видно его из-за сопок до срока.
Но в полночь, когда с небосвода луна
Сияет в холодном убранстве одна,
И в воду прозрачную падает свет,
Лед кромкой вокруг, как картинный багет,
На глади озёрной – молитвы канва, –
И тут начинается круг волшебства.
И вспомнил мальчишка отцовский рассказ:
Кто спустится в озеро ночью лишь раз,
Тот образ свой тут же внезапно меняет:
Коней та водица в людей превращает.
И правда: ведь там, где паслась кобылица,
В сиреновом платье гуляет девица,
Чуть вдаль – не потерянный в ночь жеребец,
Красивый, гнедой, с белой меткой самец,
А молодец статный из вод восстаёт
И славную песню он деве поёт.
И кружат наяды вокруг вереницей,
И плещут на пару волшебной водицей,
Блистают русалки своей чешуёй
Златистой, прозрачной прикрывшись парчой.
Девица смеётся, в объятья зовёт,

Михаил Чертанов

И молодец к деве прекрасной идёт.
Но тут у юнца прерывается сон.
В седле встрепенулся и спешился он.
Гнедого коня он за гриву ласкает
И сон о пропаже, смеясь, вспоминает.

Шёл по Дону отступающий отряд,
На повозках – много раненых ребят.
И зайти решили в хутор казаки,
Распрягли коней у Дона, у реки.

Напоили из колодца лошадей,
Разбrelись по тёплым хатам поскорей,
И свалила их усталость в крепкий сон,
Укачал своей водою тихий Дон.

Закружился от воды седой туман,
Засиделся в крайней хате атаман.
Стелит белую хозяйюшка постель,
Атамана разморил весёлый хмель.

Приготовила хозяйюшка кровать
И зовёт его с собой в светёлку спать.
Помолился на икону атаман,
Под подушку сунул смазанный наган.

Спит уставший от похода атаман,
И сгущается, сгущается туман.
А у входа дремлет старый часовой,
Он не слышит конский топот за рекой.

По тропе отряд Будённого идёт,
Фонарём сигнал им кто-то подаёт.
На мосту стоит английский пулемёт,
Пост казачий переправу стережёт.

Сняли ловко подуставших постовых —
Казачков двух, загулявших, молодых.
В хату белую буденовцы вошли,
Атамана по двору поволокли.
Еле к пряслу привязали вчетвером...
А хозяйюшка светила фонарём.

«Сир» – любовник убийца

На основе реальных событий 2019 года, когда профессор убил студентку

Мечтая о славе кумиров былых,
Примерив мундиры старинные их,
Игрушки свои превратив в ремесло,
Усевшись в доспехах в чужое седло,
И песни чужие легко напевая,
В сраженья французов на поле играя,
Ты, в роль воплощаясь, наверно, забыл,
Какую опасность твой образ таил,
Кому ты поклялся на шпаге своей?
Не маршал ли старый – преопытный Ней –
Вселился в твою распростёртую душу?
И вылезли черви пороков наружу.
Не кажется пошлой французская масть,
И хочется «Сиру» в военную власть.
В войну заигравшись, охватит азарт:
В мундире сидишь ты, почти Бонапарт.
Надев треуголку и маску сменив,
Конём управляешь, учёный калиф...
И скачет под всадником опытный конь
На мнимую битву сквозь смерть и огонь!
Постойте-ка, смерть? Или только игра?
Продолжу рассказ, открываться пора.
Жестокость во власти не знает предела,
И наш узурпатор берётся за дело.
Он шпорами бьёт вороного коня,
Уздечкой злачёной при этом звеня.
Встает на дыбы уязвлённая лошадь,

И ей ненавистна жестокая ноша.
И валится наземь она с седоком,
И всадник пинает её каблуком.
Повержен игравший в войну генерал.
Ведь он не любил поражений, не знал.
А в это же время его «Жозефина»
Валялась поверх простыней из поплина.
Ругаясь, он с мёртвого слазит с коня
И едет на родину, медлить нельзя.
И ревность к любимым бывает – порок.
Он – «Сир»! И любовь свою в сердце берёг.
Как много вокруг романтических дур!
Встречает вокзалом ночной Петербург,
Чернеет у Мойки, плескаясь, вода.
Здесь власти его подчинялись всегда,
Кто молод и тот, кто душою старик...
Но чей же в воде отражается лик?
Чем манит безумного в царство теней?
И что у реки замышляет злодей?
А, может, желтеющий свет фонаря
Своим отраженьем пугает не зря?
В чём правду свою ты бы мог распознать?
И хочет убийца её растерзать.
На окнах сквозь ткань пробивается свет
(какой для писак детективный сюжет!).
Классический случай! И думал детина:
Одна ли в квартире его «Жозефина»?
Одна или нет, но представился случай:
В истерике бьётся злой гений падучей,
И кажется в деве ему молодой
Тот лик, что он видел в реке, над водой...
Оружие он из чехла вынимает

И в спящую девушку точно стреляет.
Злодеем растерзана дивная ночь.
На части распилена, брошена прочь.
Вампира любила ли ты своего?
Увы, но уже не узнают того.
Жила ли с кумиром своим для потехи?
Делила ли с ним судьбоносные вехи?
И вот подросла за верность награда:
Ты смерть приняла от любовника-гада.
Мой разум смириться с сюжетом не может,
Всё так же сомнение подлое гложет:
Была ли любовь у неё, у него?
Убил он девицу свою для чего?
Что стало ему за убийство наградой?
Что думает он за тюремной оградой?

К 100-летию расстрела А.В. Колчака

Стынет морозная ночь. Под луною
Верховный правитель России стоит.
Сдернул повязку с глаз и конвою
Прямо в лицо непокорно глядит.

Может быть, вспомнил заветные даты,
Вспомнил торосы, могучие льды,
И Порт-Артур в дни японской осады,
И как искал вдоль Сибири пути.

Что же теперь, адмирал-флотоводец,
Время пришло нам мосты разводить.
Время пришло. Суетится народец,
Чтобы тебя без суда застрелить.

Встал одиноко Колчак, при параде.
Упорно, как раньше, молчанье хранил.
Премьер Пепеляев молил о пощаде.
Он тоже судьбу Колчака разделил.

Река Ангара, приток – Ушановка...
Встал по команде в готовности взвод.
Целится в голову справа винтовка,
Целится слева прямо в живот...

Слово одно отделяет от смерти.
Слышно как старший командует: «Пли...»
Если вам скажут про смелость – не верьте.
Эхо от выстрелов слышу вдали.

Зал озарился зажжённой спичкой.
Чем же припомнилась смерть Колчака?
Дом вспоминаю с прибитой табличкой –
Здесь находился Иркутский ЧК.

В воду тела через прорубь спустили,
Шёл адмирал в свой последний поход...
Воды сомкнулись и тут же застыли.
Гробом стеклянным кажется лёд.

Минул октябрь, а потом лихолетье,
И далеко теперь, всё позади.
Но наступает расстрелу столетье,
И у меня защемило в груди.

Знал бы, где лечь – постелил бы соломки.
Ты – не такой, вот и – голову с плеч.
Но по-другому уж смотрят потомки,
Чтоб твое имя навечно сберечь.

Камнетёс

– О, мастер старинный, любимец камней,
О, резчик по камню исправный,
Скажи по секрету, скажи поскорей,
Делами создателю равный,
За столько тобою истраченных лет
Чей чаще всего высекал ты портрет?
И мрамор ли белый иль чёрный гранит
Под солнцем высоким, играя, горит?
Живя среди статуй, какую любя,
Ни отдал, ни продал – хранил для себя?
Какую из всех беззаветно любил,
С какой, как живую, о чём говорил?
Романтик игривый, тесальщик камней,
Какая дороже тебе и милей?
В какую из них свою душу вложил,
Какой больше всех ты всю жизнь дорожил?

– Я пробовал много из камня ваять –
И просто знакомых, и местную знать,
И тех, кто был рядом, и тех, кто вдали,
И тех, кто живые, и тех, что ушли.
И дев молодых, и горбатых старух,
Чей взгляд не сиял, а давно уж потух,
И бюсты богатых, всесильных вельмож,
И много других отвратительных рож.
Заказчики были и из-за морей.
Да разве упомнишь приезжих людей!
И полон был статуй неприбранный двор,
И так откровенен валявшийся сор.

– А та, что покрыта брезентом в углу?
Скажи, для кого изготовил, кому?
Давно ли стоит у тебя образец?
Его заказал из России купец?
И много ли денег купец заплатил?
Тебя он, наверное, озолотил?
Так кто же, скажи, под брезентом стоит,
Пеньковой веревкой надёжно обвит?
Ах, да, я же вижу, что женщина там –
По женской груди, по покатым плечам...
Любовный роман у деляги-купца?
Как жаль, что под тканью не видно лица...
Но, мастер старинный, любимец камней,
Кольцо золотое на пальце у ней,
И русский надет на неё сарафан,
Скрывающий нежный отточенный стан,
Сияет кокошник с её головы –
Я сразу узнал золочёные швы.
Сними, и посмотрим, узнаем, авось...
Брезент со скульптуры, пожалуйста, сбрось!
И тут камнетёс отложил инструмент
И бережно снял со статуи брезент.

– Служил я матросом, невеста моя
Просилась со мною в чужие края,
От девственных белых российских снегов
До шумных весёлых чужих берегов,
Где блеск океанских стальных кораблей,
И шум оборотистых двигателей.
Ничто не пугало в походах её,
Привыкло к ней даже начальство моё.
И ведал про то, что меж нами роман

Седой, одинокий, как волк, капитан.
Я с вахты – на вахту, но склянки пробьют,
И музыка льётся из верхних кают.
Я ждал после вахты и долго искал,
Но только Марину нигде не встречал,
И только потом через музыку смог
Расслышать чудесный её голосок.
Увидел её в приоткрытую дверь,
А сердце упрямо твердило – не верь.
Но чья же рука на груди капитана?
И кто же лежит на подушках дивана?
Скатившийся на пол предательски плед
Давал мне короткий и ясный ответ.
Удар – и окрасился кровью висок.
Я страстно любил, не ударить не смог...
Был скорый и честный товарищей суд.
За дело своё я на острове тут.
Но прежде чем тело досталось воде,
Невесты одежды оставил себе.
В фантазиях смелых своих я чудил,
Скульптуру в одежды её нарядил.
С тех пор под брезентом она и стоит,
Объятая тайно в холодный гранит.
Среди горных пещер я обрёл ремесло,
Оно лишь отвлечь от страданий могло.
Я много на острове выплакал слёз,
Потом подобрал подходящий утёс.
И вот перед вами покорно стою,
В чужом мне, постылом, далёком краю.
Я пробовал многих из камня ваять –
Друзей и знакомых, и местную знать,
И тех, кто был рядом, и тех, кто вдали,

И тех, что до срока в могилу легли.
Пусть думают, что мне прощенья нет,
Но, может, возьмёте с собой на корвет?
И пусть бы назначили каторжный труд,
Я умер бы там, в кандалах, а не тут.

Но била о камни крутая волна,
Уже ничего не расскажет она
О том, сколько пролито крови и слёз
И жив ли в России ещё камнетёс.

Биография автора

Михаил Чертанов (Михаил Шкабарня) родился 9 мая 1959 года в г. Петропавловске. В 1976 году окончил школу. В этом же году поступал в Бугурусланское летнее училище, но не прошёл по конкурсу. Работал на военном заводе «ЗИМ» слесарем-сборщиком радиоаппаратуры. В 1977 году поступил в Кузбасский политехнический институт в г. Кемерово. Одновременно работал на кафедре геологии лаборантом. Принимал участие в не-

скольких геологических экспедициях по Кузнецкому Алатау на предмет изучения его золотоносности. По окончании института получил специальность «горный инженер».

С 1982 по 1984 год служил в армии – в Сибирском военном округе командиром взвода управления артиллерийского дивизиона. Работал на Кольском полуострове на Кировском руднике проходчиком, на Салаирском горно-обогатительном комбинате, командиром Салаирского оперативного взвода 35 военизированного горноспасательного отряда.

В настоящее время – директор производственного предприятия г. Кемерово. Живёт в г. Салаире.

Поэзией увлекается с 9-го класса школы. Стихи публиковались в газетах «Знамянка», «МК в Кузбассе», коллективном сборнике «Светлая даль». В 2019 году изданы поэтический сборник «Серебряная чаша», детские книжки «Деревенские каникулы» и «Волшебные истории».

Семейная хроника

Михаил Чертанов

Мой дед Михаил Спиридонович Шкабарня (справа) с другом перед уходом на фронт. 1914 год, г. Полтава

**Мой дед Яков Иванович Чертанов с женой и дочерью
перед уходом на фронт. 1914 год, г. Троицк**

Михаил Чертанов

**Мои родители Виктор Михайлович и Лидия Филипповна
Шкабарня. 1958 год**

Свадьба моих родителей. 1958 год

Мои дедушка и бабушка у домика, в котором я родился. 1959 год

Дом, в котором я прожил свои счастливые 18 лет детства и юности. 1963 год

КузПИ, студент горного факультета. 1980 год, г. Кемерово

Геологическая экспедиция. Рудник «Центральный».1982 год

Служба в Советской Армии. 1982 год, г. Новосибирск

На винзаводе – среди бочек. 1985 год, г. Геленджик

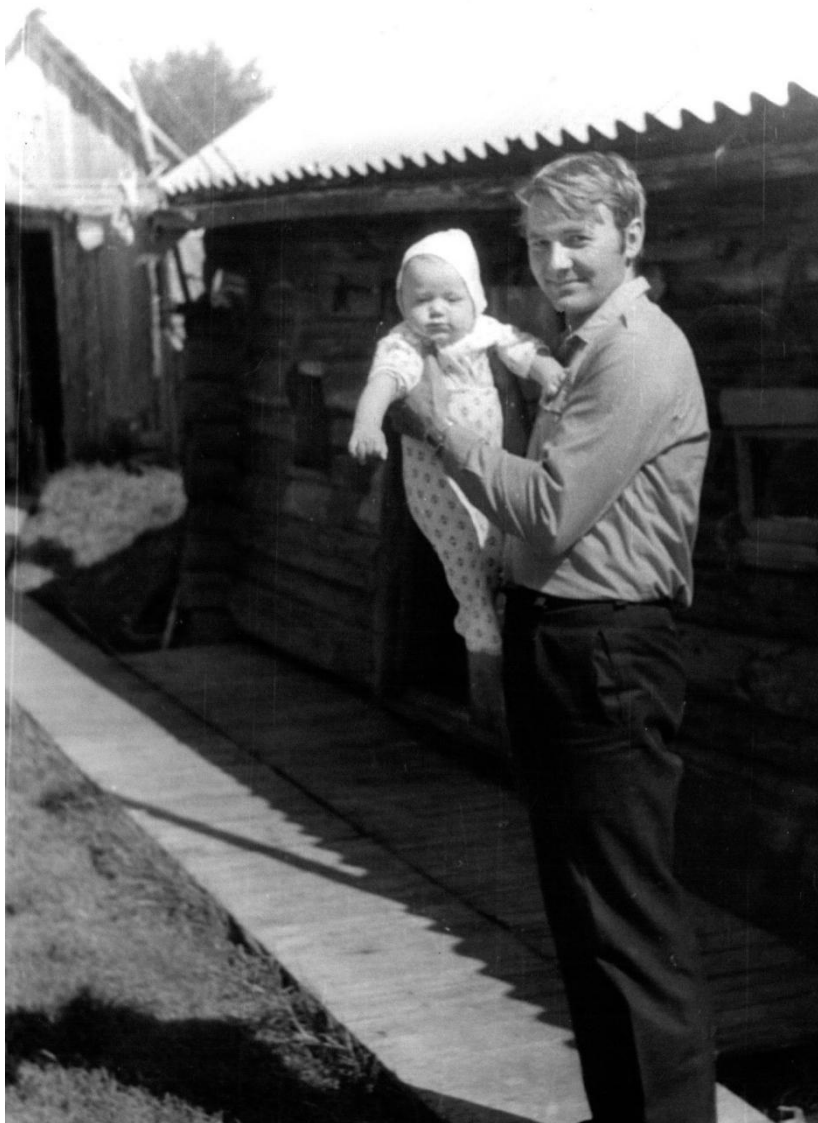

Служба в оперативном взводе 35 ВГСО. 1985 год, г. Салаир

На покосе. 1985 год, г. Салаир.

Михаил Чертанов

Я с первенцем. 1986 год, г. Салаир.

У родителей, читаю. 1987 год, г. Салаир

В аэропорту г. Новосибирска с мамой. 2011 год

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи разных лет

Утро.....	4
Завет	5
У меня ведь к счастью счёт.....	6
Край.....	7
«Нет, друг, ты дружбы недостоин».....	9
Прачки.....	10
Ночь.....	12
«Не томи меня тоскою».....	13
Краски	14
Поздняя любовь	15
Сосны	16
«Как чаша, полная вина».....	17
Первая любовь	18
Помидорная карьера.....	20
Сон	23
Метеорит.....	24
«Квартирник» в Гавриловке	26
Правда и ложь	28
Приманка	29
Стюардесса	31
Ветка	32
Фантазёр	33
Таёжник	35
Ковыль	36
Письмо брату.....	37
Нимфетка.....	39
Родник.....	40
Дачник.....	41
Нить.....	42
«Иногда, о ком-нибудь тоскую».....	43
Птицелов.....	44
В ресторане.....	46
Мечты.....	48

Горноспасатели	49
Письмо к И.К.	51
Новый мир	52
К М.Р.	54
Одна звезда на двоих	55
Грань	56
Кумиры	57
Перевал	59
Гром	61
«Как к воде умиравший от жажды»	63
Заря.....	65
Мечты.....	66
Февраль.....	67
Пурга	68
Песня жаворонка.....	70
Ножка	71
Мираж	72
Свет	73
Салтыковой Ирине.....	75
Причал	76
Казнь	77
Счастье.....	78
Лучу.....	79
Держава или мать.....	80
Время	81
Моисей и «Десять заповедей»	82
Истребитель и ангел	84
Фермер	86
Моя отрада.....	87
Расставание с Ялтой	88
Олимп.....	90
Салаирское кладбище.....	91
Сирень	95
Не уходи надолго от меня!.....	96
Поэтам.....	97

Поэтам Борису Кузнецову и Дмитрию Клёсову	99
К звезде	100
«Горлица, горлица, сизая птаха»	101
Любовь звезды	102
Исповедь	103
Музе	104
Встреча с юностью	105
Юной художнице	107
Напоминание	108
Отцу	109
Коромысло и хомут	110
«В любви родительской рождённый»	112
Сладкий яд	114
Витражи	116
«Март весенние губы надует»	117
Блудницам	118
Вовкина жена	119
Письмо зека	120
Жизнь – как дым	122

Баллады и исторические стихотворения

Преданный конь	125
Бай	128
«Какой черкес не веселится»	130
Встреча на Валааме	132
Последняя битва	134
Волшебное озеро долины Укока	137
«Шёл по Дону отступающий отряд»	141
«Сир» – любовник убийца	143
К 100-летию расстрела А.В. Колчака	146
Камнетёс	148

Биография автора	152
Семейная хроника (фото)	153

Литературно-художественное издание

© Михаил Викторович Чертанов

Грани времени

Стихи, баллады и исторические стихотворения

Главный редактор Глеб Стафеев
Художественный редактор Алина Черкасова
Литературный редактор Татьяна Копытова
Верстка: Александра Гончарова
Дизайн: Дмитрий Лукин

Отпечатано в ООО «Нордмедиздат» г. Санкт-Петербург, пр. Стачек,
45, корп.3. Юр. адрес: Редакция «Литературный МИКС»,
г. Санкт-Петербург, Лиговский проспект, 56, оф. 100.

Свидетельство о регистрации

СМИ ПИ №ФС77-35381 от 17 февраля 2009

Возрастное ограничение печатной продукции 16+

Подписано в печать 27.04.2020 г.

Формат 145*200 мм. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 300 экз.